

Исчезнувшая Улица

Андрей Апухтин

Исчезнувшая улица - книга 4

Серия «Тайна за тайной», книга 3

<https://litres.ru/74541507>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лада, кот Барсик, бабушка Нина и Степан Варфоломеич открывают в подземелье под домом Улицу Мастеровую — спрятанную триста лет назад вместе с домами, инструментами и чертежами. Десять мастерских — кузница, плотницкая, каменотёсная, переплётная, литейная, гончарная, ткацкая, шорная, бондарная, жестяная — целы и нетронуты. В мастерской Тихона Варфоломеева Лада находит золотую печать — ключ ко всем дверям Старогорска, чертежи замков и журнал строителя. Печать открывает вход в главное хранилище под Серой горкой: подземный зал с куполообразным потолком, светящимся голубым светом, где книги, медные пластины и свитки сохранены триста лет. Летопись Старогорска проявляется на голубом свете — тайные чернила Тихона. Потомок Тихона, Алексей Варфоломеев, приезжает из Москвы с золотым ключом от главного хранилища. В фундаменте крепости на холме Лада находит каменную книгу — первую книгу Старогорска, которая читается руками, как Брайль. Добрый детектив для детей 7–11 лет.

Содержание

Старая карта	4
Улица Мастеров	15
Следы во дворе	25
Под пекарней	36
Каменная лестница	47
Замёрзшая улица	58
Мастерские	69
Письмо Тихона	80
Родство	92
Золотая печать	103

Андрей Апухтин

Исчезнувшая улица - книга 4

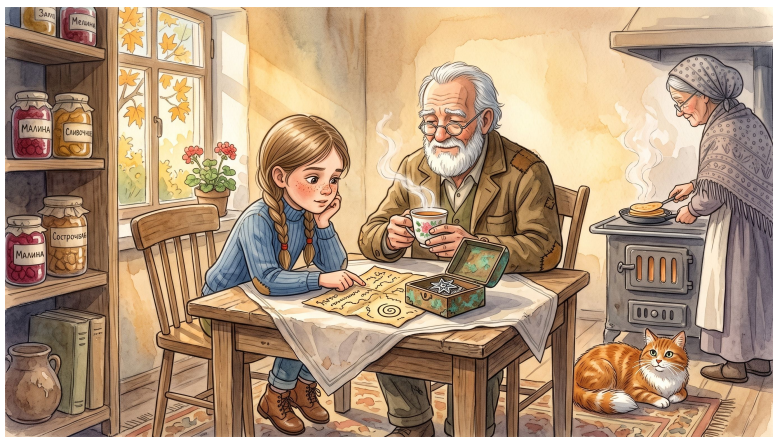
Старая карта

Степан Варфоломеич сидел у бабушки Нины на кухне и пил чай — медленно, маленькими глотками, как человек, который двадцать лет пил только подземную воду из источника и теперь заново учился пить чай. Чай был горячий, с мёдом, и пар поднимался от кружки, как маленькое облако, и Степан Варфоломеич смотрел на пар и улыбался — тихо, краем рта, как человек, которому вернули что-то очень важное и он ещё не верит, что это не сон.

Степан Варфоломеич выглядел лучше, чем под землёй — бабушка Нина отвела его в баню, дала чистую рубашку и старые брюки, которые были ему велики, и он сидел, подтянув пояс, как будто боялся, что одежда убежит. Борода его была расчёсана — бабушка Нина дала ему гребень — и блестела, серебристая, как ёлочный дождь. Голубые глаза смотрели вокруг — на стены, на полки, на окна — с выражением, которое бывает у человека, который вернулся из долгого путешествия и видит обычные вещи так, будто видит их впервые.

Лада сидела напротив и ждала. Барсик лежал под столом, положив морду на лапы, и наблюдал за Степаном Варфоломеичем одним глазом — жёлтым, не мигающим, как фонарь. Бабушка Нина хлопотала у плиты — пекла блины, и запах — тёплый, масляный, домашний — наполнял кухню, и за окном светило осеннее солнце, и всё было так мирно и тихо, что казалось, будто подземелья, завалы и ночные стуки — всё это приснилось.

Но Степан Варфоломеич был настоящий. И ящик, который он принёс с собой, стоял на столе — медный, старинный, с зелёной патиной по углам, с медным замком, тусклым от времени. Маленький, тяжёлый, с гравировкой на крышке — восьмиконечная звезда и надпись, которую Лада не могла разобрать. Ящик был открыт — Лада открыла его медным значком из первой книги, и внутри были серебряный значок с восьмиконечной звездой и карта. Карта подземных ходов Старогорска — на тонкой пожелтевшей бумаге, с линиями, знаками и буквами, которых Лада раньше не видела. Карта, которая вела к подземной библиотеке под рекой — хранилищу, где строители города спрятали память Старогорска триста лет назад. И кое-что ещё — Лада заметила на карте странный знак, которого не было раньше: контур улицы, перечёркнутый крест-накрест, с надписью «Засыпано. Не искать».

«Засыпано. Не искать», — прочитала Лада вслух и нахмурилась. Она сидела, склонившись над картой, и водила пальцем по линиям — тонким, коричневым, как следы от карандаша, которым рисовали триста лет назад. Карта была нарисована от руки — аккуратно, с детали, с подписями старославянской вязью, которую бабушка Нина кое-как разбирала. На карте были обозначены подземные ходы — от дома под двором, под улицей, к реке. Хранилище под рекой. И — странная улица, перечёркнутая крест-накрест.

«Бабушка Нина, что значит «засыпано»?» — спросила Лада, не отрывая глаз от карты. Бабушка Нина подошла, поправила очки и наклонилась. Она смотрела долго — минуту, две, три, водя пальцем по линиям, как Степан Варфоломеич водил по буквам в подземелье. «Это улица, — сказала она

наконец. — Старая улица. Я вижу — на карте подписано: «Улица Мастерская». Она была здесь, в Старогорске, триста лет назад. Потом исчезла. Просто исчезла — как будто её не было. В архивах сказано: «улица Мастерская упразднена за ветхостью в 1723 году». Но я всегда думала — странно. Улицы не упраздняют. Их разбирают, перестраивают, переименовывают. Но «упразднить» — это как будто стереть. Как будто её и не было».

Степан Варфоломеич поставил кружку и посмотрел на карту. Его голубые глаза — яркие, внимательные — сузились, как у человека, который увидел знакомое лицо в толпе. «Улица Мастерская, — повторил он, и голос его, обычно тихий и хриплый, стал твёрже. — Я искал её. Двадцать лет. Я нашёл подземный ход, нашёл хранилище, нашёл ящик — но я искал не ящик. Я искал улицу. Улицу Мастерскую. Я знал, что она существует — из старых документов, из записей Тихона Варфоломеева, строителя нашего дома. Тихон писал, что под Старогорском есть подземная улица — настоящая, с домами, мастерскими, инструментами. Что строители не разобрали её, а засыпали — спрятали. Засыпали землёй, как засыпают ров, и построили сверху новые улицы. Но старая улица — под землёй. Целая. Нетронутая. Триста лет».

Лада почувствовала, как сердце забилось быстрее — ровно, сильно, как барабан. Целая улица под землёй. С домами. С мастерскими. С инструментами. Триста лет — и никто не знал. Кроме Степана Варфоломеича, который искал

её двадцать лет и не нашёл, потому что завал преградил ему путь. Но теперь завал разобран. И карта — вот она, на столе, в медном ящике, рядом с блинами и чаем. «Мы должны её найти, — сказала Лада, и голос её был тихим, но твёрдым, как камень. — Улицу Мастеровую. Под землёй. Мы должны её найти».

Степан Варфоломеич отодвинул кружку, положил ладони на стол и посмотрел на Ладугу — серьёзно, внимательно, как человек, который взвешивает каждое слово. «Я искал двадцать лет, — сказал он. — Я прочитал все документы, которые нашёл в подземелье. Письма Тихона Варфоломеева, записки, чертежи. Тихон знал про Улицу Мастеровую — он сам был строителем, и его отец был строителем, и дед. Они строили дома на поверхности, а под землёй — под фундамента-

ми, под дворами, под улицами — сохраняли старое. Мастерские. Инструменты. Чертежи. Всё, что было ценно, — прятали под землёй, чтобы не сгорело, не сгнило, не было украдено. А когда пришёл указ «упразднить» Мастеровую улицу — они не разобрали её. Они засыпали. Сверху насыпали землю, утрамбовали, и через год построили новые дома. А старая улица — осталась. Под землёй. Как ракушка на дне моря — целая, невредимая, только покрыта слоем песка».

Лада слушала и рисовала в блокноте — быстро, схематично, как она делала в первой и второй книгах. Дом, подвал, подземный ход, хранилище под рекой. И — где-то между, под двором или под улицей — Улица Мастерова. Перечёркнутая на карте, но целая под землёй. «Степан Варфоломеич, — спросила Лада, — а где именно? Где вход?» Степан Варфоломеич покачал головой. «Я не знаю. Карта показывает район — вот здесь, — он ткнул пальцем в карту, в место, где линии ходов расходились, как корни дерева, — но точный вход не обозначен. Тихон не записал. Может, нарочно — чтобы никто не нашёл случайно. Может, забыл. А может — вход не нужен. Может, улица сама открывается тем, кто ищет».

Бабушка Нина поставила на стол тарелку с блинами и села. «Я знаю один документ, — сказала она, и голос её был тихим и задумчивым. — В архиве — в папке, которую я собирала тридцать лет — есть запись от 1723 года. «Улицу Мастеровую засыпать, дома разобрать, жителей переселить». Но

есть приписка — мелким почерком, на полях: «Не разобрали. Засыпали целиком. Инструменты и утварь оставлены в подвалах». Я читала эту запись и думала — бред. Кто в своём уме засыплет улицу целиком, с домами и инструментами? А теперь — вот. Карта. И Степан Варфоломеич. Двадцать лет поисков. Это не бред. Это — правда».

Лада не спала всю ночь. Не потому, что не могла — потому что не хотела. Она лежала в кровати, смотрела в потолок и думала. Целая улица под землёй. С домами, мастерскими, инструментами. Триста лет — и никто не знал. Барсик лежал рядом, свернувшись клубком, и мурчал — тихо, ровно, как маленький мотор, и это мурчание было успокаивающее, как тиканье часов, как шум дождя за окном. Лада держала карту под подушкой — не потому, что боялась, что пропадёт, а

потому, что хотела чувствовать её рядом, как амулет. Утром, когда солнце встало и осветило комнату — золотым, осенним, тёплым светом, который бывает только в сентябре, — Лада встала, оделась и села за стол. Она разложила карту и стала изучать — с лупой, которую папа дал ей для «исследований», с карандашом и блокнотом. Карта была нарисована на тонкой бумаге — пожелтевшей, хрупкой, как крыло бабочки. Лада боялась её порвать, и положила на стекло от рамки, чтобы видеть каждую линию. Ходы на карте шли от дома — вниз, под двор, под улицу, к реке. Но в одном месте линии расходились — как развилка на дороге. Одна линия шла к реке — к хранилищу, которое они нашли во второй книге. Другая — сворачивала в сторону, под соседние дома, и заканчивалась тупиком. Но «тупик» на карте был обозначен не точкой, а знаком — маленьким квадратом с крестом внутри. «Засыпано», — прочитала Лада. И рядом — мелким почерком, едва различимым: «Вход через подвал дома 7 по Мастеровой». «Дом номер семь по Мастеровой! — Лада подпрыгнула на стуле, и Барсик, дремавший на кровати, поднял голову и посмотрел на неё с укоризной. — Барсик, тут написано — «вход через подвал дома номер семь по Мастеровой»! Но Мастеровую улицу упразднили триста лет назад. Значит, дома номер семь — нет. Или... или он есть, но называется по-другому?» Лада схватила блокнот и записала: «Дело 3. Исчезнувшая улица. Улица Мастерова — засыпана в 1723 году, целая под землёй. Вход — через подвал дома

7. Где дом 7? Найти. План: 1) узнать, где была Мастеровая улица; 2) найти дом 7; 3) найти вход в подвал; 4) спуститься-ся. Свидетели: Степан Варфоломеич (нашёл карту), бабушка Нина (знает архив), Барсик (разведчик)».

Лада побежала к бабушке Нине. Бабушка Нина сидела в своей квартире-музее, перебирала папки и что-то бормотала — тихо, себе под нос, как профессор, который читает лекцию пустой аудитории. Она подняла голову, увидела Ладугу и сказала: «Я знала, что ты придёшь. Я не спала — думала про Мастеровую. И нашла кое-что». Она достала из шкафа старую папку — не ту, что показывала раньше, другую, тоньше, с надписью «Топография» чернилами, выцветшими до рыжего. «Карта Старогорска, 1710 год, — сказала бабушка Нина, разворачивая лист на столе. — За тринадцать лет до

того, как Мастеровую засыпали. Вот — смотри».

Лада наклонилась. Карта была старая — старше, чем карта из медного ящика. Нарисована от руки, чернилами, на плотной бумаге, которая когда-то была белой, а стала серо-жёлтой, как старый пергамент. На карте — Старогорск, маленький, с крепостью на холме, с рекой, с улицами. И — вот она: «Улица Мастерова». Шла от центра, от площади, к реке — короткая, прямая, с десятью домами по каждой стороне. Дома были нарисованы квадратиками, с номерами — 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7... Лада ткнула пальцем в дом номер семь — и бабушка Нина кивнула.

«Дом номер семь, — сказала она. — Я проверила по современному плану. Мастерова улица шла вот здесь — через то, что сейчас улица Ленина, двор дома двенадцать и пекарня дяди Глеба. После засыпки на этом месте построили новые дома, и старая нумерация потерялась. Но — дом номер семь по Мастеровой стоял примерно там, где сейчас стоит пекарня дяди Глеба. Подвал пекарни. Если Тихон Варфоломеев не врал — вход в Улицу Мастеровую — через подвал пекарни».

Лада почувствовала, как по спине пробежал холодок — не страх, а возбуждение, как перед экзаменом, когда знаешь, что готов, но всё равно трясёшься. Пекарня дяди Глеба — она была рядом, через два двора. Она ходила мимо каждый день и чувствовала запах хлеба — тёплый, свежий, как объятие. «Бабушка Нина, — сказала Лада, и голос её дрожал от

нетерпения, — дядя Глеб! Он ведь знает свой подвал! Если там есть вход — он должен знать! Или не знать, но мы найдём!» Бабушка Нина улыбнулась — краем рта, как всегда. «Дядя Глеб знает свой подвал. Но он не знает, что под его подвалом. Пойдём к нему. Вместе».

Улица Мастеров

Они пошли к дяде Глебу втроём — Лада, бабушка Нина и Степан Варфоломеич. Барсик бежал впереди — рыжий, пушистый, с поднятым хвостом, как знаменосец, который ведёт армию. Осеннее утро было ясное, тёплое, солнце светило сквозь клёны, и листья — жёлтые, красные, золотые — лежали на дороге, как ковёр, и шуршали под ногами, как бумага. Дворы были тихие — дети в школе, взрослые на работе, только голуби ходили по асфальту, важные и деловитые, как маленькие чиновники.

Пекарня дяди Глеба стояла на углу — одноэтажный дом, старый, кирпичный, с деревянной дверью и вывеской «Хлеб. Печёное». Запах — тёплый, дрожжевой, свежий — шёл из двери, как приветствие, и Лада почувствовала, как живот заурчал — она не завтракала, ушла в спешке. Дядя Глеб стоял за прилавком — крупный, краснолицый, с большими руками, в белом фартуке, забрызганном мукой до локтей. Он увидел их и расплылся в улыбке — широкой, тёплой, как его хлеб.

«Лада! Бабушка Нина! И... — он прищурился, разглядывая Степана Варфоломеича. — А это кто? Новый жилец?» Бабушка Нина представила — коротко, без подробностей: «Степан Варфоломеич. Архивариус. Нам нужно посмотреть ваш подвал». Дядя Глеб удивился — поднял брови, как две

рыжие гусеницы. «Подвал? Зачем вам подвал? Там мука, там мыши, там темно, как в колодце». — «Именно поэтому, — сказала бабушка Нина тоном, который не допускал возражений. — Нам нужно проверить одну гипотезу. Научную. Историческую. Это не займёт много времени».

Дядя Глеб посмотрел на Ладу. Лада посмотрела на него — серьёзно, с прищуром, как сыщик, который знает больше, чем говорит. «Дядя Глеб, — сказала она, — под вашей пекарней может быть вход в очень старое место. Триста лет. Мы хотим проверить. Если там ничего нет — мы уйдём и никому не скажем. Если есть — это будет важно для всего города». Дядя Глеб помолчал, почесал затылок — мукой, так что волосы стали белые, как снежные, — и сказал: «Ладно. Подвал — вот. Но аккуратно. И если что-то найдёте — мне скажите первым. Я хозяин, я должен знать».

Дядя Глеб повёл их в подвал. Дверь в подвал была за печью — тяжёлая, деревянная, с железной ручкой, чёрной от времени. Дядя Глеб открыл её — скрипнуло, как старая калитка, и за дверью была темнота и лестница — каменная, узкая, ведущая вниз. «Осторожно, — сказал дядя Глеб. — Ступеньки скользкие — я разливал воду, когда тесто замешивал. И низко — мне нужно наклоняться, а я не маленький». Он включил свет — лампочка под потолком, тусклая, пыльная, как в подвале у Лады. Они спустились — дядя Глеб вперёд, за ним бабушка Нина, потом Лада, потом Степан Варфоломеич, и Барсик — последним, тихо, крадучись, как замыкающий.

Подвал пекарни был больше, чем подвал дома Лады — длинный, с каменными стенами и сводчатым потолком, как в средневековом погребке. Вдоль стен — мешки с мукой, полки с банками, старые формы для хлеба — жестяные, потёртые, с въевшимся тестом. Пахло мукой, дрожжами и сыростью — тёплый, густой запах, как в желудке огромного зверя. Дядя Глеб стоял у лестницы и смотрел, как они ходят по подвалу — недоверчиво, но терпеливо, как хозяин, который пустил гостей и ждёт, когда они уйдут.

Степан Варфоломеич ходил по подвалу — медленно, осторожно, прикладывая ладонь к стенам, как слепой, который ищет дорогу. Он трогал камень, стучал костяшками — тихо, прислушиваясь, как врач, который выстукивает паци-

ента. Лада наблюдала. Барсик ходил за Степаном Варфоломеичем — тенью, шаг за шагом, и его уши поворачивались, как антенны, ловя каждый звук. Бабушка Нина стояла у лестницы и держала карту — свёрнутую, в трубку, как диплом. «По карте, — сказала она, — вход должен быть в дальней стене. В северной. Дядя Глеб, что там, в дальней стене?» Дядя Глеб посмотрел — недоуменно. «Дальняя стена? Там мешки. Мешки с мукой. Я их давно не двигал — тяжёлые, и зачем, если мука не кончилась».

«Мешки нужно убрать», — сказала Лада, и дядя Глеб посмотрел на неё так, как смотрят на человека, который просит сдвинуть гору. «Эти мешки весят по пятьдесят кило каждый, — сказал он. — Их шесть штук. Триста кило. Я один не сдвину». — «Нас четверо, — сказала Лада и посчитала на

пальцах. — И Барсик. Барсик не поможет таскать, но он будет морально поддерживать». Дядя Глеб посмотрел на Барсика. Барсик посмотрел на дядю Глеба. Между ними пробежала искра — не вражды, но недоумения, как между двумя существами, которые не понимают друг друга, но готовы попробовать.

Они таскали мешки — по одному, тяжело, кряхтя. Дядя Глеб брал мешок, как перо, — одним рывком, на плечо, и нёс к лестнице. Бабушка Нина не таскала — она держала фонарик и светила. Степан Варфоломеич таскал, но медленно — он был слаб после двадцати лет под землёй, и руки его дрожали, но он не сдавался, и Лада видела, как он стискивает зубы и несёт, и капли пота выступают на лбу, и борода трясётся. Лада таскала самый маленький мешок — он был ей по пояс, и она обнимала его, как бочку, и шла, шаркая ногами, и мука просыпалась и белой пылью оседала на её синем свитере.

Когда последний мешок был отставлен, Лада посмотрела на стену. Стена была — каменная, как и все стены в подвале. Но — другая. Камни здесь были крупнее, старше, с мхом по краям, и уложены были не так, как в остальных стенах — не ровно, а с наклоном, как будто стена была не стеной, а крышей чего-то. И в центре, у пола, был камень — большой, квадратный, с закруглёнными краями, как старинный кирпич. Точно такой, как в подвале дома Лады. «Вот! — крикнула Лада, и голос её отскочил от стен, как мячик. — Такой

же камень! Как у нас! Это вход!» Степан Варфоломеич подошёл, присел, провёл пальцами по камню — и его голубые глаза загорелись, как две свечи. «Тот же каменщик, — прошептал он. — Тот же замок. Тот же ключ. Тихон Варфоломеев строил одинаково. Медный значок — попробуй, Лада».

Лада достала медный значок — он висел у неё на шнурке на шее, как медальон, и был тёплый, всегда тёплый, как будто внутри него горел маленький огонёк. Она приложила значок к стыку между камнем и стеной — туда, где щель была тоньше, как нить. И — подождала. Секунда. Две. Три. Камень дрогнул. Еле-еле, как сердце под кожей — мелкая вибрация, которую Лада почувствовала пальцами, а не глазами. «Шевелится! — выдохнула она. — Как тогда! Как в нашем подвале!» Дядя Глеб ахнул — громко, как будто его удари-

ли. «Что?! Камень шевелится?! От значка?!» — «Тихо, Глеб, — сказала бабушка Нина спокойно, но глаза её блеснули за стёклами очков. — Это не магия. Это механика. Старинный механизм. Тихон Варфоломеев был инженером».

Лада надавила на камень — обеими руками, как в подвале дома. Камень поддался — легче, чем дома, будто его открывали чаще, или он был лучше смазан, или просто ждал дольше. Камень скользнул внутрь и в сторону, как дверь, открывающаяся в стену, и за ним — темнота. Проход. Низкий, узкий, каменный, с сводчатым потолком — точно такой, как в подземелье под домом Лады. И из прохода шёл воздух — не сырой, не затхлый, а сухой, тёплый, с запахом, которого Лада не ожидала. Запах дерева. Сухого, старого, как доски, которые лежали сто лет на чердаке. И — слабый, едва уловимый — запах железа. Ржавого, старого, как гвозди в старом заборе.

«Это она, — сказал Степан Варфоломеич, и голос его дрожал — от волнения, от слёз, от двадцати лет ожидания. — Улица Мастеровая. Я чувствую — дерево, железо. Это мастерские. Я искал — двадцать лет. И вот — она. Здесь. Под пекарней». Он стоял перед проходом, и слёзы катились по его морщинам и падали в бороду, и голубые глаза были яркими, как два кусочка неба. Дядя Глеб стоял рядом, бледный, с открытым ртом, и фартук его был белым от муки, и он был похож на статую, которую забыли покрасить. «Улица? — повторил он. — Под моей пекарней? Улица?» — «Улица,

— кивнула бабушка Нина. — Триста лет. Целая. Нетронутая. Под вашей пекарней, Глеб».

Дядя Глеб не пошёл с ними. Он стоял у входа, бледный, и повторял: «Улица... под моей пекарней... триста лет...» — как заезженная пластинка. Бабушка Нина сказала ему: «Глеб, останься здесь. Если кто-нибудь придёт — скажи, что мы в подвале, инвентаризация. Не пускай никого вниз. Мы вернёмся». Дядя Глеб кивнул — машинально, как человек, который не слышит, но соглашается. Он сел на мешок с мукой и устался в стену, как медитирующий монах.

Лада, бабушка Нина, Степан Варфоломеич и Барсик вошли в проход. Проход был такой же, как под домом — низкий, узкий, каменный, со сводчатым потолком. Но здесь было суше — воздух шёл тёплый и ровный, и запах — дерево,

железо, старая пыль — был гуще, плотнее, как в мастерской, которую закрыли и не открывали сто лет. Лада шла первой — с фонариком, луч которого уходил вперёд и тонул в темноте через три метра. Барсик бежал перед ней — рыжий, пушистый, бесстрашный, как разведчик, который идёт первым, потому что не боится ничего, кроме пылесоса и огурца.

На двадцатом шаге проход начал расширяться — постепенно, как река, которая выходит из ущелья в долину. Потолок поднимался, стены расходились, и Лада почувствовала — пространство. Большое пространство — не коридор, не комната, а что-то огромное, как склад, как ангар, как... улица. Она подняла фонарик — луч ушёл вверх и потерялся в темноте, не доставая до потолка. «Высоко, — прошептала Лада. — Тут очень высоко». Степан Варфоломеич, шедший за ней, сказал — тихо, благоговейно, как человек, который входит в храм: «Это — улица. Не подвал. Не коридор. Улица. С домами. С крышами. Мы — внутри. Под землёй. Триста лет». И Лада посветила вперёд — и увидела. Стену. Деревянную. Старую, тёмную от времени, с дверью — низкой, деревянной, с железной ручкой, чёрной от ржавчины. Первую дверь. Первое здание. Первую мастерскую Улицы Мастерской.

Следы во дворе

Лада стояла перед первой дверью и не двигалась. Луч фонарика дрожал в её руке — мелко, как лист на ветру, — и выхватывал из темноты детали: деревянная стена, тёмная от времени, с трещинами, как морщины; дверь, низкая, с железной ручкой, чёрной от ржавчины; порог — каменный, стёртый посередине, как ступеньки в доме Лады. Стёртый. От ног. Триста лет назад люди ходили здесь, переступали через этот порог, открывали эту дверь, входили и выходили. А потом — ушли. И дверь осталась. И порог — стёртый, как память.

«Открываем?» — прошептала Лада, и голос её дрожал — не от страха, от трепета, как у человека, который стоит перед запечатанной гробницей фараона. «Открываем, — сказал Степан Варфоломеич, и его голос был твёрже, чем у Лады. — Тихон Варфоломеев запечатал эту улицу, чтобы сохранить. Не чтобы прятать навечно. Он хотел, чтобы кто-то пришёл. Кто-то, кто умеет искать. Мы — те, кто умеет».

Лада протянула руку и взялась за железную ручку. Ручка была холодная, шершавая, и ржавчина осыпалась под пальцами, как пепел. Лада потянула — дверь не поддавалась. Тянула сильнее — скрипнуло, как старая калитка, и дверь приоткрылась — на ладонь, на две, на три. Запах ударил — сухой, тёплый, густой, как в библиотеке, где книги лежат сто лет.

Дерево, кожа, металл, масло — смесь запахов, от которых кружилась голова, как от парфюма. Лада толкнула дверь — она открылась полностью, тяжело, неохотно, как рот, который открывается, чтобы сказать первое слово после долгого молчания.

За дверью — мастерская. Небольшая — три на четыре метра, как кухня. Каменные стены, деревянный пол, потолок — выше, чем в проходе, но ниже, чем в комнате. В центре — наковальня. Чугунная, тяжёлая, тёмная от времени, с притёртой верхней площадкой, блестящей, как зеркало. Рядом — молоток, клещи, мехи для раздувания огня. На стенах — полки, а на полках — инструменты. Кузнечные. Молоты, зубила, напильники, клещи разных размеров — всё старинное, с деревянными ручками, потёртыми от ладоней, тёмными от времени. Всё целое. Всё на месте. Триста лет — и ни один инструмент не сдвинулся. «Кузница, — сказал Степан Варфоломеич, и голос его был тихим и благоговейным. — Первая мастерская. Кузница».

Лада вошла в кузницу. Осторожно, на цыпочках, как в музее, где нельзя трогать экспонаты. Пол скрипел — деревянные доски, старые, но крепкие, как доски корабля, который лежит на дне и не гниёт, потому что вода солёная. Здесь было сухо — воздух тёплый и ровный, и ни капли влаги. Триста лет — и дерево не сгнило. Степан Варфоломеич объяснил: «Тихон Варфоломеев знал, что делал. Он засыпал улицу сухой землёй — не мокрой, не глиной, а песком и сухой землёй. Сверху — слой глины, как крыша, чтобы вода не протекала. А внутри — сухой воздух, как в термосе. Поэтому всё сохранилось. Дерево не гниёт без влаги. Железо ржавеет медленно. Кожа сохнет, но не гниёт. Триста лет — и всё цело».

Лада тронула наковальню — холодная, тяжёлая, гладкая

сверху, где металл притёрся от тысяч ударов молота. Она представила, как кузнец стоял здесь, триста лет назад, и бил — звенело, летели искры, и раскалённый металл гнулся, как тесто в руках дяди Глеба. Она подняла молоток — тяжёлый, с деревянной ручкой, тёмной от ладоней, и рукоятка была вытерта — ямка, где ложился большой палец, бороздка, где обхватывали пальцы. «Тут работал кузнец, — сказала Лада, и голос её был тихим и уважительным, как в церкви. — Триста лет назад. Он делал подковы, гвозди, замки. И ушёл — и всё осталось».

Барсик прыгнул на наковальню — бесшумно, как все коты, и сел, свесив лапы, как король на троне. Он огляделся — зелёными глазами с янтарной искрой — и муркнул. Не просто муркнул — а как будто одобрил. «Барсик говорит, что кузница ему нравится, — перевела Лада. — Он бы здесь жил, если бы было тепло и еда». Бабушка Нина улыбнулась. «Коты всегда выбирают лучшие места. Это у них врождённое. Барсик — наш компас. Если Барсик сел — значит, место хорошее. Идём дальше — посмотрим, что за следующей дверью».

Они вышли из кузницы и пошли по улице. Улица. Лада остановилась и огляделась. Это была — улица. Настоящая. Не коридор, не подвал, не туннель — улица. Широкая — метров пять, как обычная улица в Старогорске. С двух сторон — дома. Деревянные, одноэтажные, с дверями и окнами — окнами! Маленькими, с ставнями, закрытыми, как глаза, которые спят. Крыши — деревянные, тёмные от времени, с мхом по краям, как седина. И — мостовая. Каменная. Не асфальт, не булыжник — плиты, большие, плоские, уложенные ровно, как паркет. И между плитами — трава. Сухая, жёлтая, как солома. Триста лет — и трава выросла в щелях, и засохла, и осталась, как в гербарии.

«Это — Улица Мастеровая, — сказал Степан Варфоломеич, и голос его дрожал, и слёзы катились по морщинам, и

он не вытирал их, потому что руки были заняты — он трогал стены, как слепой, который ощупывает лицо любимого человека. — Десять домов с каждой стороны. Двадцать мастерских. Кузнец, плотник, каменотёс, переплётчик, литейщик, гончар, ткач, шорник, бондарь, жестянщик. Каждый — мастер. Каждый — делал своё дело. И когда пришёл указ засыпать улицу — они не стали разбирать. Они закрыли двери, забили окна ставнями, оставили инструменты и ушли. Тихон Варфоломеев засыпал улицу сверху — и она осталась. Как ракушка на дне моря. Как янтарь с мухой внутри. Триста лет».

Лада шла по мостовой и считала дома. Первый — кузница, они уже видели. Второй — плотницкая. Дверь была открыта, и Лада заглянула: верстак, большой, дубовый, с тисками и рубанками. Тёплая, золотистая пыль — стружка, сухая, как лента, лежала на полу, как волосы. Третий — каменотёсная. Зубила, молотки, каменные заготовки — прямоугольные, гладкие, как кирпичи, но не обожжённые. Четвёртый — переплётная. Лада остановилась. Переплётная — это где переплетают книги. Она толкнула дверь — открылась легко, будто её открывали вчера.

Переплётная мастерская была маленькой — два на три метра, как чулан. Но в ней было — всё. Верстак, узкий, с кожаной подкладкой, потёртой от работы. На полках — инструменты: ножи для резки бумаги, костяные лощила для разглаживания, иглы большие и маленькие, катушки с нитками — льняными, толстыми, пожелтевшими от времени, но целыми. И — книги. Не готовые книги — а части. Обложки — деревянные, с кожаными корешками, тиснёные, с золотом, потускневшим, но не стёршимся. Стопки страниц — сшитые, но не переплетённые. Листы пергамента — чистые, белые, как снег, который не тает. И на верстаке — начатая книга. Переплётчик работал над ней — и ушёл, не закончив. Книга лежала, раскрытая, как птица с одним крылом, и ждала — триста лет.

Лада тронула страницу — осторожно, кончиками пальцев, как трогают бабочку. Пергамент был тонкий, гладкий, тёплый — не бумага, а выделанная кожа, как пергамент в древних книгах. «Бабушка Нина, — прошептала Лада, — тут книга. Незаконченная. Переплётчик не доделал и ушёл». Бабушка Нина подошла, поправила очки и склонилась над книгой. Она смотрела долго — минуту, две, три, как врач, который изучает рентгеновский снимок. Потом сказала — тихо, с благоговением: «Это не просто книга. Это — летопись. Я вижу первую страницу — «Летопись Старогорска». Переплётчик переплетал летопись. Он не закончил — может, его позвали, может, пришёл указ. Он ушёл, и книга осталась. Триста лет. Незаконченная летопись Старогорска. Лада, ты понимаешь? Это — то, что я искала тридцать лет».

Степан Варфоломеич стоял в дверях и молчал. Его голубые глаза были яркими и влажными, как два озера после дождя. Он искал эту улицу двадцать лет — и нашёл. Но не он нашёл — Лада нашла. Девочка с фонариком и котом. «Я искал, — сказал он, и голос его был тихим и хриплым, — но не дошёл. Завал преградил дорогу. Ты дошла. Ты — наследник. Тихон Варфоломеев писал: «Кто ищет — найдёт». Ты — нашла». Лада посмотрела на него и сказала — просто, как говорят правду: «Я не одна. Барсик, бабушка Нина, вы. Мы вместе нашли. Вместе — это не один».

Лада записала в блокнот: «Дело 3. Улица Мастеровая. Найдена. Под пекарней дяди Глеба. Десять домов с каждой стороны, двадцать мастерских. Первые четыре: кузница, плотницкая, каменотёсная, переплётная. Все целые, инструменты на местах. В переплётной — незаконченная «Летопись Старогорска». Нужно осмотреть все мастерские. Нужно найти то, что Степан Варфоломеич искал двадцать лет. Что? Он не сказал. Нужно спросить».

Они вышли из переплётной и пошли дальше. Лада считала дома — пять, шесть, семь. Пятый — литейная. Лада заглянула: печь, маленькая, кирпичная, с трубой, уходящей в стену. Тигли — глиняные горшки для плавки металла, целые, с остатками бронзы на дне. Формы — песчаные, с оттисками — пуговицы, замки, ключи. Шестой — гончарная. Гон-

чарный круг — деревянный, с каменным маховиком, тяжёлым, как жернов. И на полках — горшки, миски, кувшины. Целые, без трещин, с глазурью — зелёной, жёлтой, коричневой, блестящей, как стекло. Триста лет — и глазурь блестит. Седьмой — ткацкая. Ткацкий станок — большой, деревянный, с нитями, натянутыми, как струны.

Нити пожелтели, но не порвались. И на станке — кусок ткани, незаконченный, с узором — красные и белые нити, как праздничный наряд. Лада шла по улице, и каждая мастерская была как открытая книга — страница за страницей, глава за главой. Восьмой — шорная. Шорник делал сёдла, уздечки, ремни. Кожаные заготовки висели на стенах, сухие, жёсткие, как доски, но целые. Девятый — бондарная.

Бондарь делал бочки. Деревянные, дубовые, с железными обручами, ржавыми, но не рассыпавшимися. Десятый — жестяная. Листовой металл, ножницы по металлу, формы для посуды. И — последний дом. Десятый, с левой стороны. Дверь была закрыта — плотно, как будто её заперли на замок. И на двери — знак.

Восьмиконечная звезда. Вырезанная в дереве, глубокая, чёткая, как печать. «Тихон, — прошептал Степан Варфоломеич. — Это дом Тихона Варфоломеева. Его собственная мастерская. Он был строителем — но и мастером. Он делал замки. И ключи».

Под пекарней

Лада стояла перед дверью с восьмиконечной звездой и чувствовала, как медный значок на шнурке — у неё на шее — стал теплее. Не горячий, не обжигающий, а теплее, как будто внутри него что-то проснулось, как зверь, который слышал зов. Лада приложила значок к двери — к звезде, к дереву, к старому, тёмному, прохладному от подземного воздуха. И значок — щёлкнул. Тихо, коротко, как замок, который открывается после долгого ожидания. Дверь не двинулась — но Лада почувствовала: замок открыт. Она толкнула дверь — и дверь открылась.

Мастерская Тихона Варфоломеева была больше других — пять на четыре метра, как большая кухня. Каменные стены, деревянный пол, потолок выше, чем в остальных мастерских — три метра, как в настоящей комнате. В центре — верстак, большой, дубовый, с железными тисками и медной лампой, холодной, не горячей. На стенах — полки, а на полках — замки. Десятки замков. Медные, железные, бронзовые, латунные — маленькие и большие, с ключами и без, с гравировкой и без. Замки-ящики, замки-дверцы, замки-сундуки. И — ключи. Десятки ключей, висящих на крючках, как фрукты на дереве. Каждый — разный: каждый — для своего замка. Тихон Варфоломеев делал замки и ключи. Он был мастером замков. И — хранителем.

«Он был не просто мастер, — сказала бабушка Нина, и голос её был тихим, как шёпот в библиотеке. — Он был хранитель. Замки — это не просто железо. Замки — это стражи. Они охраняют. Тихон охранял тайны Старогорска. Каждый замок — для двери, для ящика, для хранилища. И каждый ключ — к своему замку. А все вместе — к подземному городу. Тихон был не просто строителем. Он был — архитектор тайн».

Степан Варфоломеич ходил по мастерской — медленно, касаясь стен, как слепой, который читает лицом. Он остановился у верстака и провёл пальцами по поверхности — гладкой, отполированной от работы, с ямками и бороздками, как следы от инструментов. «Я искал эту мастерскую двадцать лет, — сказал он, и голос его был тихим и хриплым, и борода тряслась. — Не улицу — мастерскую. Потому что в мастерской Тихона — то, что открывает все двери. Не ключи — а то, что делает ключи. Чертежи. Инструменты. И — печать. Золотая печать Тихона Варфоломеева. Ключ ко всем замкам. Ключ ко всем дверям».

Лада искала печать. Она открыла ящики верстака — один за другим, осторожно, как сапёр, который разбирает бомбу. В первом — инструменты: маленькие молоточки, пилочки, щипчики, свёрла — тонкие, как иголки. Во втором — чертежи. Сложенные вчетверо, на тонкой бумаге, пожелтевшей, с линиями и знаками, как на карте. Лада развернула — и увидела. Чертёж замка — не обычного, а сложного, с шестерёнками и рычажками, как часы. И рядом — чертёж ключа. И подпись — старославянской вязью, аккуратной, как у каллиграфа: «Тихон Варфоломеев. Замок хранилища главного. Ключ золотой».

«Золотой ключ! — Лада подпрыгнула, и Барсик, дремавший на верстаке, поднял голову и посмотрел на неё с укоризной. — Бабушка Нина, Степан Варфоломеич, тут чертёж зо-

лото́го ключа! К главному хранилищу! Того, что под крепостью на холме!» Степан Варфоломеич подошёл и взял чертёж — руки дрожали, и бумага тряслась, как лист на ветру. Он смотрел долго — минуту, две, три, как человек, который нашёл карту сокровищ и не верит. «Я знал, — прошептал он. — Я знал, что золотой ключ существует. Но не знал, где чертёж. И не знал, как ключ сделан. Теперь — знаю. Теперь — можно найти ключ. Или сделать новый».

Третий ящик был заперт — маленьким замком, медным, с восьмиконечной звездой. Лада посмотрела на значок — медный, на шнурке. Посмотрела на замок. Одинаковые. Она приложила значок к замку — и замок щёлкнул, как дверь. Она открыла ящик. Внутри — бархатный мешочек, маленький, тёмно-синий, с золотой вышивкой — восьмиконечная звезда. Лада развязала шнурок и высыпала содержимое на ладонь. Печать. Золотая. Круглая, с ручкой, как печать для сургуча. На дне — гравировка: крепость с башнями и восьмиконечная звезда над ней. И надпись по кругу — мелкая, чёткая: «Тихон Варфоломеев. Строитель и хранитель Старогорска».

Лада держала печать на ладони и чувствовала — тяжёлая. Не просто от золота, а от смысла. Триста лет эта печать лежала в ящике, в мастерской, под землёй, и ждала. Ждала того, кто откроет ящик, кто приложит значок, кто найдёт. Лада закрыла ладонь и почувствовала, как печать греет руку — тёплая, как живая, как будто внутри неё горел огонёк, как в медном значке.

«Что делать с печатью?» — спросила Лада. Бабушка Нина и Степан Варфоломеич переглянулись. Бабушка Нина сказала — медленно, взвешивая слова, как на весах: «Печать — это не просто знак. Печать — это власть. Тихон Варфоломеев запечатывал документы, хранилища, двери. Кто имеет печать — тот имеет доступ. Ко всему. К подземной библиотеке под рекой, к хранилищу под крепостью, к главным тай-

нам Старогорска. Печать — ключ к ключам». — «То есть, — Лада посмотрела на печать, — если я приложу эту печать к двери, к замку, к чему-то — оно откроется?» — «Не сразу, — сказал Степан Варфоломеич. — Печать — не отмычка. Печать — это разрешение. Она открывает то, что запечатано ей. Замки Тихона сделаны так: каждый замок открывается своим ключом, но запечатывается — печатью. Без печати замок можно открыть ключом. Но без печати нельзя узнать, настоящий ли ключ. Печать — это подпись. Доверие. Печать говорит: «Этому человеку можно доверять. Этому человеку можно открыть».»

Лада записала: «Золотая печать Тихона Варфоломеева. Найдена в мастерской, в третьем ящике. Открывается медным значком. Значение — ключ к ключам, разрешение, доверие. Нужно найти все двери, запечатанные печатью». Барсик муркнул — одобрительно, как будто сказал: «Хорошая запись. Правильная». Лада погладила его по голове — машинально, не глядя, как гладят того, кто всегда рядом.

Барсик сидел на верстаке и наблюдал — за Ладой, за бабушкой Ниной, за Степаном Варфоломеичем. Его зелёные глаза с янтарной искрой были полуприкрыты, но уши — торчком, как антенны, и поворачивались, ловя каждый звук. Иногда он наклонял голову — набок, как собака, которая слышит незнакомое слово, — и Ладе казалось, что Барсик понимает. Не слова — а смысл. Не смысл — а настроение. Когда Лада была возбуждена — Барсик муркал громко. Ко-

гда задумывалась — затихал. Когда боялась — подходил и тёрся о ногу. Он был не просто кот. Он был — компас. Навигатор. Товарищ, который идёт рядом и молчит, потому что молчание — тоже поддержка.

Они провели в мастерской Тихона два часа. Бабушка Нина разбирала чертежи — один за другим, разворачивая на верстаке, как карты. Чертежи были — замки, ключи, двери, хранилища. И — карта. Не та, что в медном ящике — другая, подробнее, с обозначениями, которые бабушка Нина разбирала с трудом, по слогам, как первоклассник, который учится читать. «Вот, — сказала она, показывая на точку на карте. — Хранилище под рекой — мы его нашли во второй книге. Вот — хранилище под крепостью на холме. А вот — третье хранилище. Под полями, на востоке от города. Три хранили-

ща. Три ключа. Три двери».

Степан Варфоломеич стоял у стены и смотрел на полку — нижнюю, самую незаметную, где лежали не замки и ключи, а книги. Тонкие, в кожаных переплётках, с тиснением — восьмиконечная звезда. Он снял одну — раскрыл — и Лада увидела почерк: мелкий, аккуратный, как бисер, старославянской вязью. «Журнал, — сказал Степан Варфоломеич, и голос его дрожал. — Журнал Тихона Варфоломеева. Он записывал всё — что делал, что строил, что прятал. Дневник. Триста лет». Он перелистывал — медленно, осторожно, и Лада заглядывала через плечо и видела записи, даты, имена, рисунки — маленькие, чёткие, как штампы. И одну запись, обведённую красными чернилами, как будто Тихон хотел подчеркнуть: «Если кто найдёт сие — знай: всё, что я спрятал, спрятано для тебя. Не для богатства — для памяти. Старогорск — город памяти. Кто помнит — тот живёт. Кто забывает — тот пропадает».

Лада почувствовала, как по щеке катится слеза — горячая, быстрая. Тихон Варфоломеев писал это триста лет назад — и писал для неё. Для Лады. Для девочки, которая будет жить в его доме, которая найдёт его значок, его ящик, его улицу. «Он знал, — прошептала Лада. — Он знал, что кто-то придёт. И написал — для нас. Для тех, кто будет искать». Бабушка Нина обняла её — тихо, молча, как обнимают, когда слова не нужны. Барсик потёрся о ногу Лады — мурлыча, тихо, как маленький мотор, и это мурлыканье было луч-

ше любимых слов.

Они вернулись наверх усталые, но счастливые — как исследователи, которые нашли затерянный город. Дядя Глеб ждал их у входа в подвал — бледный, с кружкой чая, и когда они вышли — живые, в пыли, с фонариками и блокнотами — он ахнул и чуть не выронил кружку. «Нашли?» — спросил он, и голос его был хриплым, как у Степана Варфоломеича после двадцати лет под землёй. «Нашли, — сказала Лада. — Улицу. Мастерскую. Печать. Дядя Глеб, под вашей пекарней — город. Триста лет. Целый город».

Дядя Глеб сел на мешок с мукой и молчал — минуту, две, три, как человек, которому сказали, что под его домом — клад, и он не знает, плакать ему или смеяться. Потом сказал: «Город... под моей пекарней... триста лет...» — и пока-

чал головой, как старик, который не верит новостям. Потом встал, прошёл к входу в подвал, посмотрел вниз — на лестницу, на темноту, на тусклую лампочку — и сказал: «Я хочу видеть. Сам. Сейчас». Бабушка Нина положила руку ему на плечо: «Завтра, Глеб. Сегодня — поздно. Дети устали. Я устала. Степан Варфоломеич устал. Завтра — придём вместе, и я покажу тебе всё. Каждую мастерскую. Каждый инструмент. Каждый замок».

Лада, бабушка Нина, Степан Варфоломеич и Барсик вышли из пекарни. Был вечер — солнце садилось, и небо было красно-золотым, как костёр, и клёны стояли в золоте, как деревья из сказки. Лада шла и чувствовала — печать в кармане, тяжёлая, тёплая, живая. Журнал Тихона — в рюкзаке, у бабушки Нины. Карта — в медном ящике, дома. Три ключа, три хранилища, три двери. Два найдены. Третье — впереди. «Бабушка Нина, — сказала Лада, и голос её был тихим, но твёрдым, как камень. — Третье хранилище. Под полями, на востоке. Мы пойдём?» Бабушка Нина улыбнулась — краем рта, как всегда. «Пойдём, — сказала она. — Но сначала — спать. Сыщик без сна — не сыщик, а зевака». Барсик муркнул — согласился. Полностью.

Каменная лестница

Следующие два дня Лада провела в подготовке. Она была не та девочка, которая бросается в приключения без плана — она была та, которая составляет списки, проверяет снаряжение и считает шаги. Блокнот сыщика был исписан — страница за страницей: «Дело 3. План экспедиции к третьему хранилищу.

Цель: найти хранилище под полями на востоке от Старогорска. Используемые материалы: карта Тихона Варфоломеева, золотая печать, медный значок, журнал Тихона. Снаряжение: фонарик (запасные батарейки), верёвка (двадцать метров), блокнот, карандаш, вода, печенье, спички, аптечка (бабушкина).

Команда: Лада, Барсик, бабушка Нина, Степан Варфоломеич. Срок: завтра, на рассвете». Бабушка Нина изучала карту — с лупой, с очками, с карандашом, делая пометки на полях. «Третье хранилище, — говорила она, — обозначено на карте вот здесь — на восток от города, за рекой, в полях. Но карта старая — триста лет. За триста лет поля менялись, дороги менялись, река меняла русло. Нужно найти ориентир — что-то, что не меняется. Камень, холм, родник».

Степан Варфоломеич, который знал подземелья лучше, чем улицы сверху, — потому что двадцать лет жил под землёй — сказал: «Тихон строил по ориентирам. Он выбирал

места рядом с холмами — потому что холм — это твёрдая порода, там сухо, там не подтопит. На востоке от Старогорска есть один холм — его называют «Серая горка». Невысокий, пологий, заросший. Может, под ним — хранилище». Лада нашла «Серую горку» на современной карте — в телефоне, у папы, когда он не смотрел. Маленький холм, в полутора километрах от дома, за рекой, в полях.

Ровное место, ни домов, ни дорог — только трава и одинокое дерево на вершине. «Туда можно дойти пешком, — сказала Лада. — Полтора километра. Через мост, через поля. Бабушка Нина сможет?» Бабушка Нина посмотрела на неё поверх очков — с выражением, которое бывает у бабушек, когда им предлагают помощь, в которой они не нуждаются. «Лада, — сказала она, — я тридцать лет ходила в архив пешком, каждый день, в любую погоду. Полтора километра — это разминка».

Степан Варфоломеич готовился отдельно. Он сидел в углу, у окна, и перечитывал журнал Тихона — страницу за страницей, водя пальцем по строчкам, как слепой, который читает Брайлем. Иногда он останавливался, закрывал глаза и шевелил губами — беззвучно, как будто молился.

Лада подошла тихо и заглянула. На странице был рисунок — каменная лестница, уходящая вниз, с площадками и поворотами, и внизу — дверь. Большая, каменная, с золотой печатью. «Лестница, — сказал Степан Варфоломеич, не поднимая глаз. — Тихон нарисовал лестницу.

Она ведёт вниз — с поверхности, под холм. К двери. К главному хранилищу. Дверь запечатана золотой печатью. Лада, у нас есть печать. У нас есть всё, что нужно».

На рассвете они вышли. Было суббота — мама и папа спали, и Лада оставила записку на столе: «Ушла гулять с бабушкой Ниной. Вернусь к обеду. Лада». Это было правдой — наполовину. Они шли по улице — Лада, бабушка Нина, Степан Варфоломеич и Барсик — как маленькая экспедиция. Рюкзаки — синий у Лады, старый у бабушки Нины, потёртый у Степана Варфоломеича. Фонарики, верёвка, вода. Барсик — без рюкзака, но с выражением готовности на морде, как у солдата перед марш-броском.

Утро было холодное — осеннее, серое, с инеем на траве и туманом над рекой. Лада шла и смотрела по сторонам —

как разведчик, который запоминает дорогу. Вот мост — каменный, старый, с перилами из чугунных решёток, и на решётках — чугунные львы, зелёные от патины, с оторванными хвостами. Вот река — медленная, тёмная, с туманом, как молоко в кофе. Вот поле — ровное, жёлтое, с сухой травой, и вдалеке — холм. Серая горка. Невысокий, пологий, заросший кустами, с одиноким деревом на вершине — берёзой, белой, как кость, с голыми ветками, как руки, которые тянутся к небу.

«Красиво, — сказала Лада, и выдохнула — пар, белый, как облачко. — Бабушка Нина, вы помните, как в первый раз? Когда мы искали подземелье под домом?» Бабушка Нина кивнула. «Помню. Ты была смелее, чем я. Я боялась — старая женщина, подвал, темнота. А ты — шла. Как будто знала, что надо идти. Как будто кто-то звал». — «Звал, — сказала Лада тихо. — Степан Варфоломеич звал. Три удара. Каждую ночь. Двадцать лет». Степан Варфоломеич, шедший позади, услышал и сказал — тихо, хрипло, как человек, которому неловко: «Я не звал. Я стучал. Потому что не мог молчать. Когда человек молчит — он умирает. Когда стучит — он живёт».

До холма дошли за полчаса — медленно, по мокрой траве, которая промочила ботинки насквозь. Лада не жаловалась — она была занята. Она смотрела на холм, на траву, на камни, на землю — и сравнивала с картой. «По карте, — говорила она, переворачивая блокнот, где перерисовала нужный фрагмент, — вход должен быть с северной стороны холма. Там, где большой камень. Камень с отметиной — как знак».

Северная сторона. Они обошли холм — кругом, по траве, по мокрым камням. Барсик бежал впереди — обнюхивая каждый куст, каждый камень, как ищейка, которая ищет не по запаху, а по инстинкту. И вдруг остановился — резко, как вкопанный, и сел. У камня. Большого, серого, поросшего мхом, вросшего в землю, как зуб в десне. Камень был обычный — таких много на полях. Но Барсик сидел и не двигал-

ся, и его хвост дрожал — кончиком, как стрелка прибора, который что-то засёк.

«Барсик нашёл», — сказала Лада и подошла. Она посмотрела на камень — серый, мокрый, мшистый. Обычный. Но — она обошла его и посмотрела с другой стороны, с северной, — и увидела. Отметина. Не трещина, не царапина — знак. Высеченный в камне, глубокий, как печать. Восьмиконечная звезда. Точно такая, как на медном значке, как на двери мастерской Тихона, как на печати. «Здесь! — Лада прижала ладонь к звезде, и камень был холодный, мокрый, шершавый, но звезда — тёплая. — Звезда! Как на значке! Это вход!»

Степан Варфоломеич подошёл, присел — тяжело, кряхтя, как старик, который не привык к физической нагрузке после двадцати лет сидения в подземелье. Он провёл пальцами по звезде — медленно, как слепой. «Тихон, — прошептал он. — Тот же знак. Та же рука. Камень — пробка. Как в подвале. Как в пекарне. Тихон делал всё одинаково — камень, пробка, звезда. Нужно — значок». Лада сняла значок с шнура и приложила к звезде на камне. Секунда. Две. Три. Камень дрогнул — мелко, как сердце, и Лада почувствовала вибрацию пальцами. Потом — щелчок. Тихий, глубокий, как замок, который открывается после трёхсот лет ожидания.

Камень сдвинулся — не выпал, как в подвале дома, а отъехал в сторону, как дверь на рельсах, тяжело, с скрежетом, как поезд, который трогается. За камнем — отверстие. Круглое, как колодец, диаметром метр. И — лестница. Каменная, уходящая вниз, в темноту. Ступеньки — широкие, ровные, не стёртые, как в подвале. Здесь никто не ходил — никогда. Лестница была нова, как будто её сделали вчера. Триста лет — и ни одного шага. До сих пор.

Лада посветила фонариком вниз. Лестница уходила — ступенька за ступенькой, прямая, как линейка, и луч фонарика тонул в темноте через пять-шесть ступеней. «Глубоко, — сказала Лада. — Глубже, чем под домом. Бабушка Нина, как думаете — сколько?» Бабушка Нина посмотрела — и покачала головой. «Не знаю. По чертежу Тихона — лестница с

площадками. Пять пролётов, по десять ступеней. Пятьдесят ступеней вниз. Это метров десять-двенадцать. Как три этажа вниз».

Степан Варфоломеич стоял у входа и смотрел вниз — и на его лице было выражение, которое Лада видела один раз: когда он впервые увидел Ладу через щель в завале. Надежда. Страх. Решимость. «Я искал двадцать лет, — сказал он. — Я нашёл улицу, нашёл мастерскую, нашёл печать. Но главное — там. Внизу. Главное хранилище. То, что Тихон спрятал последним. То, что важнее всего». — «Что там?» — спросила Лада. Степан Варфоломеич посмотрел на неё — долго, серьёзно, как человек, который решает, можно ли доверить тайну. «Память, — сказал он. — Память Старогорска. Не книги, не золото, не замки. Память. То, что нельзя купить, нельзя украсть, нельзя восстановить. Если память потеряна — город умирает. Тихон знал это. И спрятал память так, чтобы она пережила всё — войны, пожары, наводнения, забвение. Триста лет».

Лада записала: «Лестница. Пятьдесят ступеней. Десять-двенадцать метров. Пять пролётов с площадками. Главное хранилище — память Старогорска». Потом посмотрела на Барсика. Барсик сидел у входа и смотрел вниз — зелёными глазами, не мигая, как фонарь. «Барсик, — сказала Лада. — Вперёд». Барсик муркнул — коротко, по-военному, как «есть» — и прыгнул в отверстие. Его рыжий силуэт мелькнул в луче фонарика — и исчез. Лада шагнула на первую

ступеньку — холодную, мокрую, ровную, как стол. И пошла вниз.

Лестница была длинной и прямой — пять пролётов по десять ступеней, с площадками между ними, как в старинной подъездной лестнице. Стены — каменные, сухие, без мха и без воды. Здесь было сухо — как в мастерской под пекарней, как в термосе. Воздух — тёплый, ровный, с запахом камня и пыли, тонкой, как пудра. Лада считала ступеньки — как всегда: десять, площадка, поворот, десять, площадка, поворот. Пять пролётов. Пятьдесят ступеней. На последней площадке — дверь.

Дверь. Каменная. Большая — два метра высотой, метр шириной. Тяжёлая, как стена, с выемкой для ручки — но без ручки. Просто камень, гладкий, тёплый, с золотым кру-

гом в центре — углублением, размером с печать. Золотую печать. Лада достала печать из кармана — она была тёплая, всегда тёплая, как будто живая — и приложила к углублению. Печать вошла — ровно, как ключ в замок, как деталь пазла в пазл. И — щелчок. Глубокий, резкий, как выстрел. Дверь дрогнула. Подалась. Открылась — медленно, тяжело, как будто нехотя, уступая три столетия сопротивления. И за дверью — свет.

Не темнота. Не мрак. Свет. Слабый, голубоватый, как лунный, но — свет. Лада шагнула внутрь и ахнула. Зал. Огромный — больше, чем зал с источником, больше, чем улица Мастеровая. Куполообразный потолок, как в планетарии, и весь потолок — светится. Голубым, мягким, спокойным светом, как вода в бассейне, как небо в ясный день. Стены — каменные, гладкие, с полками, а на полках — книги. Десятки, сотни книг — в кожаных переплётках, с тиснением, стоящие ровно, как солдаты. И — не только книги. Медные пластины — с гравировкой, как страницы из металла. Свитки — пергаментные, свёрнутые, перевязанные шнуром. И — в центре, на каменном постаменте — книга. Большая, толстая, в золотом переплёте, с восьмиконечной звездой на обложке. Главная книга. «Летопись Старогорска», — прочитала Лада на обложке — старославянской вязью, золотой, как солнце. И заплакала. Тихо, беззвучно, как Степан Варфоломеич — слёзы катились по щекам, а лицо было спокойным и счастливым, как у человека, который нашёл то, что искал всю жизнь.

Замёрзшая улица

Зал был — как пещера. Огромный, круглый, с куполообразным потолком, который светился голубым — ровным, мягким, спокойным, как подсветка в аквариуме. Лада прошла внутрь и огляделась. Пол — каменный, гладкий, как зеркало. Стены — каменные, с полками, выдолбленными в камне, как ниши. На полках — книги. Ровно, по порядку, как в библиотеке. Кожаные корешки — тёмно-коричневые, тёмно-зелёные, тёмно-синие, с золотым тиснением — звёзды, буквы, узоры. Медные пластины — лежали стопками, как блины, с гравировкой на каждой, тонкой, как паутина. Свитки — в нишах, свёрнутые, перевязанные льняным шнуром, пожелтевшие, но целые.

Бабушка Нина вошла и замерла — как человек, который всю жизнь мечтал попасть в библиотеку Александрию и вдруг попал. Она сняла очки, протёрла их, надела — и медленно пошла вдоль стен, проводя пальцами по корешкам, как пианист по клавишам. «Это... это... — говорила она, и голос её дрожал, и слова застревали, как ком в горле. — Это библиотека. Подземная библиотека. Триста лет. Целая. Нетронутая. Я... я тридцать лет работала в архиве. Тридцать лет — и не знала, что под моими ногами... что в моём городе...» Она не договорила. Села на пол — прямо, как была, в валенках, и заплакала. Тихо, беззвучно, как старики плачут.

Степан Варфоломеич вошёл последним. Он стоял в дверях и смотрел — и его голубые глаза были ярче, чем голубой свет потолка. «Я знал, — прошептал он. — Я знал, что это здесь. Тихон писал: «Под Серой горкой — главное хранилище. Память города. Книги, пластины, свитки, печать». Я знал — но не верил. Двадцать лет — и не верил. А теперь — вижу. И верю». Он прошёл к постаменту — медленно, как паломник, который подходит к святыне — и положил руку на золотую книгу. «Летопись Старогорска, — сказал он. — Триста лет. Ждала. И дождалась».

Лада стояла посреди зала и чувствовала — необычное. Не холод, не тепло. Не страх, не радость. Что-то другое. Как будто воздух здесь был не воздух, а — память. Как будто каждая книга, каждая пластина, каждый свиток дышал — тихо, ровно, как спящий, и это дыхание наполняло зал, как музыка. «Они живые, — сказала Лада, и сама удивилась своим словам. — Книги — живые. Они дышат». Бабушка Нина подняла голову — мокрую, с очками, в пятнах от слёз — и улыбнулась. «Конечно, живые, — сказала она. — Книги всегда живые. Пока их читают — они живые. Триста лет их не читали — но они дышали. Ждали. Терпели. Как Степан Варфоломеич. Как ты».

Лада подошла к постаменту и посмотрела на золотую книгу. «Летопись Старогорска». Толстая — пальцев десять толщиной, как словарь. Тяжёлая — Лада попробовала поднять и не смогла, как будто внутри был камень. Золотой переплёт — тёплый, гладкий, с восьмиконечной звездой на обложке, выпуклой, как медаль. Замка нет — книга не заперта. Просто закрыта. Лада посмотрела на бабушку Нину. Бабушка Нина кивнула — едва заметно, как учитель, который разрешает ученику открыть учебник. Лада открыла.

Первая страница — чистая. Белая, как снег. Лада перевернула — вторая, третья, четвёртая — все чистые. Пустые. Как тетрадь, которую купили, но не писали. «Пустая, — сказала Лада, и в голосе было разочарование, как у человека, который открыл подарок, а там — ничего. — Бабушка Нина,

она пустая. Все страницы — чистые». Бабушка Нина встала, отряхнула юбку, подошла и взяла книгу. Перелистнула — раз, два, три. Посмотрела на свет — на страницу, поднятую к потолку, к голубому сиянию. И — ахнула.

«Не пустая, — сказала она, и голос её дрожал, как струна. — Смотрите — на свет. Страницы не пустые. Они исписаны — невидимыми чернилами. Чернила проявляются на свету — на особом свету. На голубом. На свету потолка. Тихон использовал секретные чернила — молоко, лимон, или что-то другое. Текст проявляется только при определённом свете. Голубой свет потолка — это не просто свет. Это — проявитель. Лада, подними страницу к потолку. К свету».

Лада подняла — страницу за страницей, к голубому сиянию, как бельё на верёвку. И — текст проявился. Буквы — тёмные, чёткие, старославянская вязь — выступили из белизны, как тени из тумана. «Я вижу! — крикнула Лада, и голос отскочил от купола, как мячик. — Буквы! Слова! Текст проявляется! «В лето 1697 года...» — Лада читала, и голос дрожал. — «...построен град Старогорск... на реке... на холме... с крепостью... с улицами... с мастерами...» Бабушка Нина, тут — история! С самого начала! Триста лет — и всё здесь!»

Они читали — всю ночь. Не все — невозможно прочитать книгу за ночь. Но — главные страницы. Бабушка Нина читала вслух — медленно, по слогам, как первоклассник, который учится. Старославянская вязь была непростой — буквы отличались от современных, слова были длинные, окончания непривычные. Но бабушка Нина справлялась — тридцать лет в архиве дали ей навык, который не пропьёшь и не забудешь.

Летопись начиналась с 1697 года. «В лето 1697 года, марта в 14 день, купец Тихон Варфоломеев заложил град Старогорск на реке Старой, на холме Сером, с крепостью каменной, с улицами деревянными, с мастерами всякими. И было мастеров — десять: кузнец, плотник, каменотёс, переплётчик, литейщик, гончар, ткач, шорник, бондарь, жестянщик.

И каждый делал своё дело, и каждый учил других, и город рос, и жили — хорошо».

Лада слушала и представляла — город, триста лет назад. Маленький, деревянный, с каменной крепостью на холме. Улица Мастеровая — с десятью домами, с десятью мастерскими. Кузнец бьёт молотом — звенит. Плотник пилит — скрипит. Каменотёс стучит — гулко. Переплётчик шьёт — тихо. Литейщик плавит — шипит. Гончар крутит круг — жужжит. Ткач ткёт — стучит. Шорник режет кожу — хрустит. Бондарь собирает бочку — щёлкает. Жестянщик гнёт лист — лязгает. Десять звуков, как десять нот, и из них — музыка города. Живая, дневная, рабочая, тёплая.

«А потом, — читала бабушка Нина, — пришёл указ. В лето 1723 года, генваря в 1 день, указ губернский: улицу Мастеровую упразднить, дома разобрать, жителей переселить. Тихон Варфоломеев, строитель и хранитель, не стал разбирать — засыпал. Сухой землёй и песком засыпал, сверху глиной покрыл, чтобы вода не протекла. И сохранил. Для потомков. Для памяти. Для тех, кто будет искать. «Кто ищет — найдёт», — написал он на карте. И запечатал золотой печатью. И положил печать в ящик. И ящик — в мастерскую. И мастерскую — под землю. А сам ушёл и больше не вернулся. Потому что нельзя — нельзя вернуться к тому, что запечатал. Запечатал — и ушёл. Как фараон, который запечатал гробницу. Как монах, который запечатал библиотеку. Тихон запечатал память и ушёл. На три столетия».

Лада слушала и записывала. Блокнот исписывался — страница за страницей, как летопись внутри летописи. «Тихон Варфоломеев — строитель и хранитель. Построил город в 1697. Засыпал улицу Мастеровую в 1723. Спрятал печать, карту, журнал. Ушёл и не вернулся. Почему? Что случилось? Найти в летописи». Она перевернула страницу — и нашла. Последняя запись в летописи — датированная 1724 годом, январём. Почерк — другой. Не аккуратный, как раньше, а торопливый, неровный, как у человека, который пишет быстро, потому что боится, что не успеет. «В лето 1724 года, генваря в 15 день. Болею. Лихорадка. Не встану. Запечатал всё. Печать — в ящик, ящик — в мастерскую, мастерскую — под землю. Карту — в ящик медный, с значком медным. Кто найдёт — тот наследник. Прошу — берегите. Память —

дороже золота. Тихон».

Лада закрыла книгу. Тихон Варфоломеев умер. Триста лет назад. Он запечатал всё, что было дорого — улицу, мастерскую, печать, книгу — и умер. Последний хранитель. Он знал, что умирает, и не успел передать. Не успел научить. Не успел рассказать. Просто запечатал — и ушёл. На три столетия. До Лады.

«Он не успел, — сказала Лада, и голос её был тихим, как шёпот. — Он запечатал — и умер. Никому не сказал. Триста лет — и никто не знал». Степан Варфоломеич подошёл и положил руку на книгу — рядом с рукой Лады. Его рука была большой, тёмной от чернил, с длинными пальцами, и она дрожала. «Он успел, — сказал Степан Варфоломеич, и голос его был твёрдым, как камень. — Он запечатал — и это значит, он успел. Он не передал людям — он передал времени. А время передал нам. Тебе. Ты — наследник. Не потому что ты нашла. А потому что ты — ищешь. «Кто ищет — найдёт». Ты нашла».

Барсик муркнул — тихо, долго, как песня без слов. Он лежал у постамента, свернувшись клубком, и его зелёные глаза были полуприкрыты, и он мурлыкал — ровно, глубоко, как маленький мотор, и это мурлыканье было как колыбельная — для Тихона, для Степана Варфоломеича, для бабушки Нины, для Лады. Для всех, кто ищет и находит. Для всех, кто не забывает.

Бабушка Нина нашла ещё кое-что. В нише, за книгами, на нижней полке, в углу, завёрнутый в холстину — свиток. Длинный, узкий, как папирус. Она развернула — осторожно, на полу, прижав края камнями, чтобы не скручивался. Свиток был — не текст, а рисунок. Карта. Но не карта подземелий — карта Старогорска. Триста лет назад. Город, нарисованный от руки, чернилами и красками — охрой, зелёной, синей, как миниатюра. Крепость на холме — каменная, с башнями, с флагами. Улицы — прямые, с домами, с деревьями. Река — синяя, с мостом, с лодками. Поля — жёлтые, с копнами сена. И — Улица Мастеровая. Десять домов с каждой стороны, с мастерскими, с вывесками: «Кузнец», «Плотник», «Каменотёс», «Переплётчик», «Литейщик», «Гончар», «Ткач», «Шорник», «Бондарь», «Же-

стьянщик». Живая, цветная, настоящая — не засыпанная, не исчезнувшая, а целая, как фотография из прошлого.

«Бабушка Нина! — Лада встала на колени перед картой и водила пальцем по домам. — Это же — она! Мастеровая! Вот кузница, вот переплётная, вот мастерская Тихона! Всё — на своих местах! Точно как под землёй!» Бабушка Нина кивала — и улыбалась, сквозь слёзы, как солнце сквозь дождь. «Точно. Тихон нарисовал карту — чтобы мы знали, как было. Чтобы мы видели — не просто камни и доски, а живой город. С людьми, с работой, с жизнью».

Лада смотрела на карту и видела — не рисунок, а город. Живой, тёплый, полный звуков и запахов. Кузнец бьёт молотом — звенит. Плотник пилит — скрипит. Ткач ткёт — стучит. Десять мастеров, десять звуков, десять жизней. Триста лет назад — и как вчера. «Мы должны сохранить, — сказала Лада, и голос её был тихим, но твёрдым. — Книги, пластины, свитки, карту — всё. Мы должны вынести наверх, отреставрировать, сохранить. Чтобы люди знали. Чтобы город помнил. Тихон запечатал — мы откроем. Тихон спрятал — мы найдём. Тихон молчал — мы расскажем».

Степан Варфоломеич стоял у стены, и его голубые глаза были яркими, как два кусочка неба. «Наследник, — повторил он, и его голос дрожал, но не от слабости — от силы. — Не «наследница». Наследник. Тот, кто наследует. Тот, кто принимает. Ты — приняла. Ты — наследник Тихона Варфоломеева. И я — свидетель». Лада посмотрела на него — и

кивнула. Не потому что хотела. А потому что — так было.
Так есть. Так будет.

Мастерские

На следующее утро они вернулись — все четверо, и с ними дядя Глеб. Дядя Глеб шёл молча, хмурый, с рюкзаком, в котором были хлеб, вода и молоток — «на всякий случай», сказал он, и Лада не стала спорить. Когда они спустились по лестнице под Серую горку и вошли в зал, дядя Глеб остановился — как вкопанный, как мешок с мукой, который уронили. «О... — сказал он, и рот остался открытым. — О, мать честная...» Он стоял и смотрел — на купол, на книги, на свет, на золотую книгу на постаменте, и его красное лицо стало белым, как тесто.

«Вот, — сказала Лада. — Вот что под вашей пекарней. Точнее — под Серой горкой. Но вход — через вашу пекарню». Дядя Глеб посмотрел на неё — непонимающе, как человек, которому объясняют квантовую физику на пальцах. «Триста лет?» — спросил он. «Триста лет», — кивнула бабушка Нина. «Целая?» — «Целая». «Книги?» — «Книги». Дядя Глеб прошёл к полке, снял книгу — осторожно, как снимают ребёнка с крыши, — открыл и стал листать. «Целая, — повторил он, и голос его был хриплым, как у Степана Варфоломеича. — Триста лет. И — целая. Кто это сделал?» — «Тихон Варфоломеев, — сказал Степан Варфоломеич. — Строитель и хранитель. Чтобы сохранить. Для нас. Для тех, кто будет искать». Дядя Глеб посмотрел на Степана Варфо-

ломеича — и впервые в его взгляде не было недоверия. Было — уважение. Как к человеку, который двадцать лет стучал в стену и не сдался.

«Что будем делать?» — спросил дядя Глеб, и это был первый вопрос не «зачем» и не «как», а «что делать». Практичный, прямой, как его хлеб. Лада открыла блокнот и прочитала — план, который составила ночью: «План сохранения. Шаг первый: осмотреть все книги, пластины и свитки. Зафиксировать. Шаг второй: вынести наверх — осторожно, по одной. Шаг третий: отреставрировать — бабушка Нина знает, как. Шаг четвёртый: передать в музей — в городской музей Старогорска. Шаг пятый: рассказать людям». Дядя Глеб кивнул — медленно, как человек, который принимает решение и готов отвечать. «Хорошо. Я помогу. Мешки, тележка, руки — мои. Когда начинаем?» — «Сейчас», — сказала Лада. И они начали.

Они работали три дня. Три дня — утром до вечера, с перерывами на хлеб и чай, который дядя Глеб приносил в термосе, тёплый и сладкий. Бабушка Нина и Степан Варфоломеич разбирали книги — одну за другой, осторожно, как хирурги, которые перебирают инструменты. Каждую книгу они описывали: заглавие, дата, состояние, цвет переплёта, тип бумаги, наличие иллюстраций. Лада записывала — в блокнот, а потом — в тетрадь, которую бабушка Нина дала ей специально, с жёсткой обложкой и разлинованными страницами. «Учёный дневник, — назвала его бабушка Нина. — Так положено. Каждая находка — с описанием, датой и подписью. Ты — учёный, Лада. Не просто сыщик».

Дядя Глеб таскал. Книги — по одной, в рюкзаке, наверх, по лестнице, по полю, к пекарне, в подвал. Осторожно, как

яйца. Его большие руки, привыкшие месить тесто, были нежны с книгами — он держал их, как младенцев, прижимая к груди, и шёл, ступая мягко, как кот, хотя был размером с медведя. Барсик наблюдал — с пьестамента, с полки, с пола — и иногда подходил, нюхал книгу и муркал. Одобрительно или неодобрительно — Лада не понимала, но подозревала, что Барсик просто проверял, чтобы всё было по правилам. Кошачьим правилам.

За три дня они вынесли наверх — в подвал пекарни, в сухую, тёплую комнату, которую дядя Глеб расчистил от мешков с мукой, — сорок две книги, двадцать семь медных пластин и тринадцать свитков. Каждая книга — в отдельной коробке, которую дядя Глеб сколотил из досок, — как гробик, только для книги. Каждая пластина — обёрнута в холстину. Каждый свиток — в трубке из берёсты. «Музейная упаковка, — сказала бабушка Нина, и впервые за тридцать лет работы в архиве улыбалась не краем рта, а широко, как ребёнок. — Лучше, чем в Эрмитаже».

Лада сидела в подвале пекарни, утомлённая, в пыли, с блокнотом, и считала: сорок две, двадцать семь, тринадцать. Восемьдесят два предмета. Триста лет. Триста лет — и восемьдесят два предмета, каждый — цел, каждый — описан, каждый — упакован. «Бабушка Нина, — спросила Лада, — а золотая книга? «Летопись»? Мы её вынесем?» Бабушка Нина покачала головой. «Нет. Летопись — остаётся. Пока. Она — сердце. Сердце не выносят. Сердце — на месте. Мы —

приходить будем. Читать. Изучать. Постепенно. Как Тихон хотел — не для показа, а для понимания».

На четвёртый день случилось неожиданное. Лада разбирала медные пластины — одну за другой, осторожно, протирая мягкой тряпкой, которую бабушка Нина дала, — и на двадцать третьей пластине нашла — не текст. Пластину с текстом она уже видела — все пластины были с гравировкой, старославянской вязью, с записями о строительстве, о мастерах, о событиях. Но двадцать третья — была другая. На ней, кроме текста, был — карман. Медный, тонкий, выдолбленный в пластине, как щель, и в кармане — сложенная вчетверо бумага. Тонкая, пожелтевшая, как листок из старой книги.

Лада развернула — осторожно, дыша через нос, чтобы

не повредить. Письмо. Рукописное, мелким, аккуратным почерком — тем же, что в журнале и в летописи. Почерк Тихона. «Здравствуй, наследник. Если ты читаешь сие — значит, ты нашёл. Не случайно — а потому что искал. Ты — мой наследник. Не по крови — по духу. Я, Тихон Варфоломеев, строитель и хранитель Старогорска, передаю тебе — не золото, не землю, не власть. Я передаю тебе — память. Память — дороже всего. Золото можно найти. Землю можно купить. Власть можно взять. Память — нельзя. Память — можно только сохранить. Или потерять. Я прошу тебя — сохрани. Сохрани для тех, кто придёт после. Для детей, для внуков, для тех, кто будет жить в Старогорске через сто, двести, триста лет. Они будут искать — как ты. Они найдут — как ты. И они будут знать — как ты. Потому что ты сохранила. Тихон».

Лада читала — и голос её дрожал, и буквы расплывались, потому что слёзы заливали глаза. Тихон писал — для неё. Триста лет назад — для неё. Для девочки, которая будет жить в его доме, ходить по его улицам, искать его тайны. Он не знал её имени — но знал, что она будет. «Он написал — «сохранила», — сказала Лада, и голос был тихим и хриплым. — Он знал, что наследник — девочка. «Сохранила». Он знал». Бабушка Нина обняла её — крепко, молча, как обнимают, когда слова — лишние. Степан Варфоломеич стоял в стороне и плакал — тихо, беззвучно, как старики плачут. Дядя Глеб стоял у стены, бледный, и молчал — и молчание

было красноречивее слов.

Лада не спала ночь. Она лежала в кровати, и письмо лежало рядом — под подушкой, как медный значок в первой книге, как серебряный значок во второй. Барсик лежал рядом, мурлыкал — тихо, ровно, как маленький мотор, и это мурлыканье было как колыбельная, но Лада не спала. Она думала. Тихон Варфоломеев — строитель, хранитель, мастер. Он построил город, проложил подземные ходы, спрятал улицу, запечатал хранилище, написал летопись, оставил письмо. Он сделал всё — для неё. Для того, кто придёт через триста лет. И она — пришла. Нашла. Прочитала.

«Я — наследник, — прошептала Лада в темноту, и слова звучали странно — тяжело и легко одновременно, как камень, который стал пером. — Не по крови — по духу. Тихон

не мой родственник. Но он — мой. Как Барсик — мой. Как бабушка Нина — моя. Как дом — мой. Он — мой, потому что я его нашла. Нашла — значит, мой. Мой — значит, берегу».

Утром Лада пошла к бабушке Нине. Бабушка Нина сидела в своей квартире-музее, и перед ней на столе лежала золотая печать — она забрала её вчера из подвала, для «безопасности», как сказала. «Бабушка Нина, — сказала Лада, и голос её был тихим и серьёзным, как у взрослого. — Я должна кое-что решить. Тихон написал: «Сохрани для тех, кто придёт после». Но как? Как сохранить так, чтобы не потерять, не разрушить, не забыть?» Бабушка Нина сняла очки, протёрла их, надела — жест, который Лада знала: бабушка думает. «Музей, — сказала она наконец. — Городской музей. Мы передадим книги, пластины, свитки — в музей. Но не все. Летопись — остаётся под землёй. Печать — остаётся у нас. Карта — остаётся у нас. Журнал — остаётся у нас. А остальное — музею. Чтобы люди видели. Чтобы знали. Чтобы город помнил. Но главное — под землёй, как Тихон хотел. Главное — на месте».

Лада пошла в музей. Городской музей Старогорска — маленький, одноэтажный, на центральной площади, в старинном здании с колоннами и вывеской «Музей истории города». Лада бывала здесь — с классом, на экскурсии, и помнила: пыльные витрины, чучело совы, старые фотографии, глиняные горшки. Скучно. Но теперь — не скучно. Теперь у Лады было то, чего ни в одном музее не было: подземная улица, подземная библиотека, подземное хранилище. Триста лет — целые, нетронутые, настоящие.

Директор музея — Марья Петровна, полная, в очках, с серёжками-якорями — выслушала Ладу молча. Сначала — недоверчиво, как слушают ребёнка, который рассказывает про инопланетян. Потом — внимательнее, когда Лада достала медный значок, потом — серебряный, потом — показала

копию карты (оригинал — у бабушки Нины, Лада перерисовала в блокнот). Потом — потрясённо, когда Лада достала из рюкзака одну медную пластину — с гравировкой, с записью о строительстве города в 1697 году. Триста лет. Настоящая.

«Это... это... — Марья Петровна держала пластину и не могла говорить, как человек, которому дали алмаз и он боится, что стекло. — Это... подлинник?» — «Подлинник, — сказала Лада. — Триста лет. Под землёй. Целая». Марья Петровна посмотрела на пластину, потом на Ладу, потом на пластину. Сняла очки, протёрла, надела. Сняла снова. «Девочка, — сказала она, и голос был тихим и хриплым, как у Степана Варфоломеича. — Если это правда — это находка века. Найдка столетия. Для нашего города. Для всей страны. Вы... вы понимаете, что вы нашли?» Лада кивнула. «Понимаю. Память. Старогорск — город памяти. Кто помнит — тот живёт. Кто забывает — тот пропадает. Тихон Варфоломеев написал это триста лет назад. И мы должны сохранить — для тех, кто придёт после».

Лада стояла и смотрела, как Марья Петровна держит пластину — двумя руками, бережно, как держат ребёнка, и её глаза за очками блестят, как два мокрых камешка. «Я работаю в музее двадцать лет, — повторила Марья Петровна, и голос её стал тише, как будто она говорила не с Ладой, а с собой. — Двадцать лет — и у нас не было ни одного настоящего подлинника старше ста лет. Ни одного. А теперь — триста лет. Настоящая. Подлинная. В моих руках. И я — не

верю. И я — верю. Одновременно». Лада понимала. Она сама — не верила и верила, когда впервые открыла камень в подвале. Чудо — всегда так: не верится, пока не потрогаешь. А потрогаешь — и не отпустишь.

Письмо Тихона

Марья Петровна пришла на следующий день — вместе с Ладой, бабушкой Ниной и Степаном Варфоломеичем. Дядя Глеб встретил их у пекарни — в чистом фартуке, с хлебом и чаем, как гостеприимный хозяин. Марья Петровна была бледная и молчаливая — она не верила до конца, как человек, который купил лотерейный билет и не верит, что выиграл. Когда они спустились в подвал, потом — в подземный ход, потом — в Улицу Мастеровую, Марья Петровна шла и молчала. Когда они вошли в кузницу — она тронула наковальню и сказала: «Настоящая. Чугун. Семнадцатый век». Когда они вошли в переплётную — она открыла книгу и сказала: «Пергамент. Выделанная кожа. Ручная работа. Это не подделка». Когда они вошли в мастерскую Тихона — она посмотрела на замки, на ключи, на полки, и села на пол — прямо, как бабушка Нина тогда, и заплакала. «Двадцать лет, — говорила она сквозь слёзы. — Двадцать лет я работаю в музее. И не знала. Не знала, что под моим городом — это».

Степан Варфоломеич стоял рядом — тихий, в заплатанном пальто, с длинной седой бородой, и его голубые глаза смотрели на Марью Петровну с пониманием. Он тоже — не знал. Тоже — искал. Тоже — плакал, когда нашёл. «Я двадцать лет стучал в стену, — сказал он тихо. — А она — двадцать лет работала в музее. Мы оба — не знали. Но теперь

— знаем. И должны сделать так, чтобы знали все».

Марья Петровна вытерла слёзы, встала, отряхнула юбку и сказала — голосом директорским, твёрдым, как человек, который принял решение и готов действовать: «Я органирую выставку. В музее. «Подземный Старогорск: триста лет под землёй». Книги, пластины, свитки, инструменты, фотографии хранилища. Откроем через месяц. Но — осторожно. Часть — оставим под землёй, как есть. Летопись — на месте. Улицу Мастеровую — не трогаем, только фотографируем и описываем. Хранилище под Серой горкой — охраняем, не разглашаем адрес. Печать — у вас. Карта — у вас. Журнал — у вас. Вы — хранители. Я — директор. Вместе — сохраним».

Лада слушала и записывала в блокнот: «План сохранения — утверждён. Музей — выставка через месяц. Летопись — под землёй. Улица Мастеров — под землёй. Хранилище — под землёй. Печать, карта, журнал — у нас. Хранители: Лада, бабушка Нина, Степан Варфоломеич. Директор: Марья Петровна. Помощник: дядя Глеб. Разведчик: Барсик». Барсик муркнул — как будто подписался.

Следующий месяц был — как марафон. Каждый день — утром до вечера. Бабушка Нина и Степан Варфоломеич работали в хранилище под Серой горкой — описывали, фотографировали, фиксировали. Марья Петровна организовывала выставку — в музее, в зале, который раньше был пустым, потому что экспонатов не хватало. Теперь — хватало. Теперь — было столько, что полки ломились. Дядя Глеб возил — на тележке, которую сколотил сам, из досок и колёс от старой коляски. Тележка скрипела, но держала — книги, пластины, свитки, аккуратно упакованные, как драгоценности.

Лада работала — как взрослый. Она описывала мастерские — одну за другой, с блокнотом и карандашом, как ар-

хеолог. Кузница: наковальня — чугун, вес — примерно сто двадцать килограммов, состояние — отличное. Молоток — железо, дерево, длина — тридцать пять сантиметров, ручка — дуб, потёртость в зоне хвата. Плотницкая: верстак — дуб, размеры — два на один метр, тиски — железо, ржавчина — поверхностная. Каменотёсная: зубила — пять штук, размеры разные, камень — гранит, песчаник. Переплётная: ножи — три, костяные ложила — два, иглы — двенадцать, нитки — лён, цвет — желтоватый, состояние — хрупкое. Литейная: тигли — четыре, глина, остатки бронзы. Гончарная: круг — дерево, маховик — камень, горшки — семнадцать, глазурь — зелёная, жёлтая, коричневая. Ткацкая: станок — дерево, нити — лён, пожелтевшие, ткань — незаконченная, узор — красно-белый. Шорная: кожа — сухая, жёсткая, сёдла — два, уздечки — три. Бондарная: бочки — пять, дуб, обручи — железо, ржавчина. Жестяная: листовой металл, ножицы, формы.

Каждая мастерская — как глава в книге. Десять глав, десять жизней, десять мастеров, которые работали триста лет назад и ушли, оставив всё на местах. Лада писала — и чувствовала, как каждый мастер становится ей знаком, как будто она знала их лично. Кузнец — сильный, молчаливый, с ожогами на руках. Плотник — аккуратный, с бородой, в опилках. Каменотёс — терпеливый, с мозолями. Переплётчик — тонкий, с чернилами на пальцах. Литейщик — горячий, с красным лицом. Гончар — спокойный, с глиной под

ногтями. Ткач — быстрый, с нитками на рукаве. Шорник — строгий, с запахом кожи. Бондарь — крепкий, с молотком на поясе. Жестянщик — ловкий, с ножницами в кармане. Десять людей. Десять жизней. Триста лет — и Лада знала их, как соседей.

За неделю до открытия выставки Лада нашла ещё кое-что. Она разбирала последнюю, десятую мастерскую — жестяную, — и на полке, за стопкой листового металла, в углу, обнаружила свёрток. Маленький, в промасленной бумаге, завязанный бечёвкой. Лада развязала — осторожно, как всегда, — и внутри была — фигурка. Золотая. Маленькая — размером с палец, как шахматная пешка. Фигурка человека

— в длинном кафтане, с шапкой, с бородой, с молотком в руке. Мастер. Золотой мастер. На дне — гравировка: «Тихон Варфоломеев. Строитель. 1723».

Лада не поняла сразу — что это. Фигурка? Зачем? Она показала бабушке Нине. Бабушка Нина посмотрела — долго, через очки, при свете, поворачивая фигурку, как ювелир, который оценивает камень. «Это — не просто фигурка, — сказала она. — Это — модель. Модель человека. Тихон изобразил себя — в золоте, маленьким, как игрушка. Зачем? Может — как подпись. Как автопортрет. Может — как ключ. Может — как послание. Но — золотой. Значит — важный. Не для красоты — для дела».

Степан Варфоломеич взял фигурку — осторожно, двумя пальцами, как берут жука, чтобы не раздавить. Он смотрел — долго, минуту, две, три, и его голубые глаза были яркими и влажными, как два озера после дождя. «Это — Тихон, — сказал он, и голос его был тихим и хриплым. — Он изобразил себя — таким, каким хотел остаться. Мастер с молотком. Не купец, не богач, не чиновник. Мастер. Он строил — и хотел, чтобы его помнили — как строителя. Не как владельца. Как — мастера». Он помолчал. Потом сказал: «И мы — будем помнить. Как мастера. Как строителя. Как хранителя. Тихон Варфоломеев. Строитель и хранитель Старогорска. Триста лет — и помним».

Лада держала фигурку — на ладони, как маленького человека. Золотого, тёплого, тяжёлого. Тихон изобразил себя

— с молотком, в кафтане, с бородой. Не с пером, не с книгой, не с мешком золота — с молотком. Мастер. Строитель. Человек, который делает. Не управляет, не продаёт, не воюет — делает. Молоток в руке — как слово. Как подпись. Как — суть. «Я — тот, кто строит», — говорил молоток. «Я — тот, кто делает». И Лада подумала: а она — кто? Она — девочка, которая ищет. Сыщик. Но — не только. Она — наследник. Не по крови — по духу. Тихон строил — она нашла. Тихон прятал — она открыла. Тихон молчал — она рассказала. Разные — но одно дело. Память. Сохранить — и передать. Построить — и найти. Молчать — и рассказать. Одно дело — разные руки.

Выставка открылась в субботу. Музей — маленький, одноэтажный, с колоннами — был полон. Люди пришли — из всех концов Старогорска, из домов, с улиц, из дворов. Соседи, знакомые, незнакомые, дети, старики. Дядя Глеб пришёл — в чистом фартуке, с хлебом, который роздал у входа — «в честь пекарни, под которой — город», сказал он. Тётя Валя пришла — в цветочном халате, с бигуди, с румяными щеками, и ахала на каждую витрину. Дядя Костя пришёл — в синей фуражке, с кожаной сумкой, с седыми усами, и говорил: «Я тридцать лет ношу почту по этому городу — и не знал, что под ногами». Трезор пришёл — крупный серый пёс, с висячими ушами, с мокрым носом, с карими глазами с длинными ресницами, и седыми подпалинами — и тихо, спокойно лёг у входа, как охранник.

Витрины — новые, стеклянные, на деревянных подставках, которые дядя Глеб сколотил. В каждой — предмет: книга, пластина, свиток, инструмент, фотография. Рядом — табличка, которую Марья Петровна написала — крупно, чётко, по-музейному: «Медная пластина с записью о строительстве Старогорска, 1697 год. Найдена в подземном хранилище под Серой горкой». «Кузнечный молоток, семнадцатого век. Найден в подземной Улице Мастерской». «Переплётные иглы, семнадцатого век. Найдены в переплётной мастерской». «Карта Старогорска, 1710 год. Копия. Оригинал — на хранении». «Золотая фигурка Тихона Варфоломеева, 1723 год. Найдена в жестяной мастерской».

Люди смотрели — молча, потом — шёпотом, потом — громко, с удивлением, с гордостью, со слезами. «Триста лет! — повторяли они. — Под нашими ногами! Триста лет!» Старая женщина — совсем старая, в платочке, с палкой — подошла к витрине с картой и заплакала. «Мастерская, — повторяла она. — Улица Мастерская. Моя бабушка рассказывала. Говорила — была улица, где мастера жили. А потом — не стало. Я думала — сказка. А вот — не сказка. Вот — правда». Лада стояла рядом и слушала. И чувствовала — тепло. Не от фонарика, не от печки. От слов. От людей. От памяти, которая — не умерла. Жила — в бабушкиных рассказах, в сказках, в небылицах, в слухах, в обрывках. И теперь — нашлась. Под землёй. Целая. Настоящая.

После выставки, вечером, когда люди ушли и музей закрыли, Лада, бабушка Нина, Степан Варфоломеич и дядя Глеб сидели в пекарне и пили чай. Тёплый, с мёдом, с блинами. Барсик лежал под столом, на мешке с мукой, и мурлыкал — тихо, ровно, как маленький мотор. Трезор лежал у двери — крупный, серый, спокойный, как валун. Два зверя — кот и пёс — спали в одной комнате, и никто не дрался, потому что были заняты — кот мурлыкал, а пёс дремал. «Что дальше?» — спросила Лада.

Она сидела, обхватив кружку обеими руками, и пар поднимался, как облачко, и в кружке отражалось её лицо — маленькое, веснушчатое, серьёзное. «Дальше — жизнь, — сказала бабушка Нина. — Мы нашли, сохранили, показали. Теперь — живём. Ходим в школу, печём хлеб, носим почту, поливаем розы. И — храним. Каждую неделю — спускаемся, проверяем, читаем. Летопись — не за один день прочитать. Там — триста лет истории.

Мы будем читать — медленно, по страницам, по главам. И понимать — постепенно. Тихон не торопился — и мы не будем». Степан Варфоломеич кивнул. «Я буду читать, — сказал он. — Я архивариус. Это — моя работа. Я буду читать летопись и описывать — для музея, для города, для людей. Двадцать лет под землёй — и я знаю подземелье лучше, чем кто-либо. Теперь — моя очередь — рассказывать». Дядя Глеб молчал — ел блины, чавкал, и на его красном лице бы-

ло выражение человека, который думает о чём-то большом.

«Я буду печь, — сказал он наконец. — Как всегда. Но теперь — я знаю, что под моей пекарней — город. И каждый хлеб — как память. Триста лет назад мастера делали — замки, горшки, ткани. А я делаю — хлеб. Мастера — разные. А дело — одно. Делать — для людей. Для города. Для памяти».

Лада допила чай и записала в блокнот: «Дело 3. Исчезнувшая улица. Закрыто. Найдено: Улица Мастерская — под пекарней, целая, триста лет. Подземное хранилище — под Серой горкой, целое, триста лет. Летопись Старогорска — в хранилище, проявляется на голубом свету. Золотая печать — у нас.

Письмо Тихона — у нас. Золотая фигурка — в музее. Выставка — открыта. Люди — знают. Город — помнит. Наследие — сохранено. Конец дела».

Барсик муркнул — длинно, утвердительно, как подпись под документом.

Родство

Через неделю после выставки Лада получила письмо. Настоящее — в конверте, с маркой, в почтовом ящике. Дядя Костя — почтальон, пожилой, в синей фуражке, с кожаной сумкой через плечо, с седыми усами — принёс его сам, постучав в дверь. «Лада, — сказал он, протягивая конверт. — Тебе. Заказное. Из Москвы». Лада взяла — удивлённо. Ей никто не писал писем. Ни из Москвы, ни откуда. Конверт был белый, с золотой печатью — круглой, с восьмиконечной звездой. Лада посмотрела на печать — и сердце забилося. Восьмиконечная звезда. Как на значке. Как на двери. Как на печати Тихона.

Она открыла конверт — в комнате, за столом, с Барсиком на коленях. Барсик нюхнул конверт — длинно, тщательно, как читатель, который читает мелкий шрифт. Потом чихнул и отошёл — значит, ничего подозрительного. Лада достала лист — плотный, белый, с золотым обрезом, как приглашение на свадьбу. Текст — напечатанный, на принтере, но подпись — ручкой, синей, размашистая, как подпись человека, который привык расписываться быстро.

«Уважаемая Лада! Меня зовут Алексей Варфоломеев. Я — потомок Тихона Варфоломеева, строителя Старогорска. Я живу в Москве и занимаюсь историей своего рода. Недавно я узнал о выставке в музее Старогорска — от знакомых,

которые видели её и рассказали мне. Я не верил — но проверил. И теперь — я хочу приехать. Я хочу увидеть то, что нашёл мой предок. То, что нашли вы. Я хочу — познакомиться. С уважением, Алексей Варфоломеев. P.S. У меня есть кое-что, что принадлежало Тихону. Кое-что, что я хочу передать — тому, кто наследует».

Лада перечитала — раз, два, три. Потомок Тихона. Потомок строителя. Живой. В Москве. И хочет приехать. И — «кое-что, что принадлежало Тихону». Лада почувствовала, как по спине пробежал холодок — не страх, а предчувствие. Ещё одна тайна. Ещё одна дверь. Ещё один шаг в историю Старогорска, который не заканчивается, а продолжается — как река, которая течёт и течёт, и нет ей конца.

«Бабушка Нина! — Лада побежала к бабушке, с письмом в руке, с Барсиком за пяткой. — Бабушка Нина, потомок Тихона! Живой! В Москве! Хочет приехать! У него — кое-что от Тихона!» Бабушка Нина прочитала письмо — дважды, с очками и без, как читают мелкий шрифт. Потом сняла очки, протёрла их, надела — жест, который Лада знала: бабушка думает. «Варфоломеев, — повторила она. — Алексей Варфоломеев. Потомок. Я проверю — в архиве. Но если он — настоящий — это важно. Это — семья. Не по крови — по имени. По имени — тоже семья».

Алексей Варфоломеев приехал через неделю — поездом, из Москвы, с чемоданом и портфелем. Он был — высокий, худой, в сером пальто, с тёмными волосами, с седыми висками, с глазами — голубыми, яркими, как два кусочка неба. Как у Степана Варфоломеича. Как у Тихона — на портрете, которого не было, но Лада представляла. Голубые глаза — фамильные, как бородавка на носу, только красивее.

Лада встретила его уезда — на станции, маленькой, кирпичной, с вывеской «Старогорск». Она стояла — одна, с Барсиком на руках, и Барсик сидел, как флаг, рыжий и пушистый, с поднятым хвостом. Алексей вышел из вагона, увидел — девочку с котом — и остановился. «Лада?» — спросил он.

«Да, — сказала Лада. — А вы — Алексей Варфоломеев?» — «Да. Но — можно просто Алексей. Варфоломеев — это фамилия. А я — человек». Лада улыбнулась — он говорил просто, без чинов, без поз, как человек, который не любит лишние слова. Ей понравилось.

Они пошли — к дому, к бабушке Нине, к пекарне. Алексей шёл и смотрел по сторонам — на дома, на улицы, на клёны, на небо. «Я здесь не был, — сказал он. — Никогда. Я знаю Старогорск — по документам, по картам, по рассказам. Но — не был. А теперь — иду по улице, и мне — знакомо. Как будто я уже был. Как будто — во сне». Лада понимала. Она тоже — чувствовала знакомость, когда впервые вошла в подземелье. Как будто кто-то ждал — и ждал давно — и место, которое ждало, было — знакомым, как дом, в котором не бывал, но который — свой.

Алексей познакомился с бабушкой Ниной — и они разговорились, как два архивариуса, которые говорят на одном языке: даты, имена, документы, факты. Бабушка Нина проверила — Алексей был настоящим. Потомок Тихона — в седьмом поколении. Фамилия — та же. Голубые глаза — те же. И — кое-что ещё, что Алексей привёз с собой. Он открыл портфель — кожаный, старый, потёртый — и достал предмет, завёрнутый в бархат, тёмно-синий, с золотой вышивкой — восьмиконечная звезда. Лада ахнула. Тот же бархат. Тот же мешочек. Как — с золотой печатью.

Алексей развернул бархат — и внутри был ключ. Золотой. Большой — размером с ладонь, с восьмиконечной звездой на бородке, с длинным стержнем и сложными зубцами, как чертёж в мастерской Тихона. «Это — золотой ключ, — сказал Алексей. — От главного хранилища. Тихон сделал два — один спрятал в мастерской, другой — отдал сыну. Сын — передал своему сыну. И так — семь поколений. Ключ — переходил из рук в руки, из поколения в поколение. Мой отец отдал его мне — перед смертью. Сказал: «Когда придёт время — ключ найдёт дверь. А дверь найдёт — наследника». Я ждал. Двадцать лет — в Москве, в архивах, в документах. И вот — время пришло. Вы — нашли. Я — принёс. Ключ —

и дверь — встретились».

Лада взяла ключ — осторожно, двумя руками, как берут хлеб из печи, — и почувствовала: тяжёлый, тёплый, живой. Как печать. Как значок. Как всё, что делал Тихон — тёплое, живое, как будто внутри горел огонёк. «Золотой ключ от главного хранилища, — прошептала Лада. — Чертёж — в мастерской. Ключ — у потомка. Дверь — под Серой горкой. Три части — в трёх местах. Триста лет — и встретились. Бабушка Нина, Степан Варфоломеич — вы понимаете? Тихон разделил — чтобы обезопасить. Ключ без двери — бесполезен. Дверь без ключа — заперта. Чертёж без ключа и двери — чертёж. Только вместе — всё работает. Тихон был не просто строитель. Он был — стратег».

Степан Варфоломеич стоял у стены и молчал — но его голубые глаза были яркими, как два костра, и борода тряслась — от волнения, от слёз, от двадцати лет ожидания, которые наконец закончились. «Я искал — двадцать лет, — повторил он, и голос его был тихим и хриплым, и каждое слово было тяжёлым, как камень. — Я нашёл — подземелье, хранилище, ящик, карту, улицу, мастерскую, печать. Но — не ключ. Ключ был — далеко. У потомка. В Москве. Тихон разделил — и я не мог найти. Но ты — нашла, Лада. Не потому что искала ключ. А потому что — нашла всё остальное. И остальное — привело к ключу. Ключ — пришёл сам. Когда всё было готово. Когда наследник — готов».

На следующее утро они пошли — все: Лада, Барсик, бабушка Нина, Степан Варфоломеич, дядя Глеб и Алексей. Сборная. Лада шла — с золотым ключом в кармане, тёплым, тяжёлым, живым. Алексей — с портфелем, в котором были документы — родословная, письма, фотографии. Бабушка Нина — с блокнотом. Степан Варфоломеич — с журналом Тихона. Дядя Глеб — с рюкзаком, в котором были хлеб, вода и фонарик. Барсик — без рюкзака, но с выражением готовности.

Они прошли через пекарню, через подвал, через проход — в Улицу Мастеровую. Алексей шёл и смотрел — как во сне, как человек, который читал о месте и вдруг в нём ока-

зался. Он трогал стены, двери, инструменты — осторожно, благоговейно, как трогают реликвии. «Это — кузница моего предка, — говорил он, и голос дрожал. — Тихон работал здесь. Делал замки. Ключи. Триста лет назад. И вот — я здесь. В его мастерской. Трогаю его наковальню. Как он — трогал. Седьмое поколение — и те же руки, та же работа, то же — железо».

Они прошли по улице — до конца, до последнего дома, до мастерской Тихона. Лада открыла дверь — значком, как всегда — и вошла. Алексей вошёл — и остановился. Мастерская. Верстак. Тиски. Замки на полках. Ключи на крючках. Его предок работал здесь — триста лет назад. Алексей снял со стены замок — маленький, медный, с восьмиконечной звездой. Повертел в руках. «Тот же замок, — сказал он. — Тот же, что на моём портфеле. Дедов. Триста лет — и тот же дизайн. Тихон делал замки — и его потомки пользовались теми же замками. Семь поколений — и ни один не потерял ключ. Ни один — не сменил замок. Семейное. Как голубые глаза».

Лада записала: «Алексей Варфоломеев — потомок Тихона, седьмое поколение. Принёс золотой ключ от главного хранилища. Ключ — триста лет, переходил из поколения в поколение. Родство — не по крови, а по делу. Тихон строил — потомки хранили. Семь поколений — хранили. И вот — отдали. Не потому что устали. А потому что — нашли того, кому можно отдать. Наследнику. Который — ищет. И — на-

ХОДИТ».

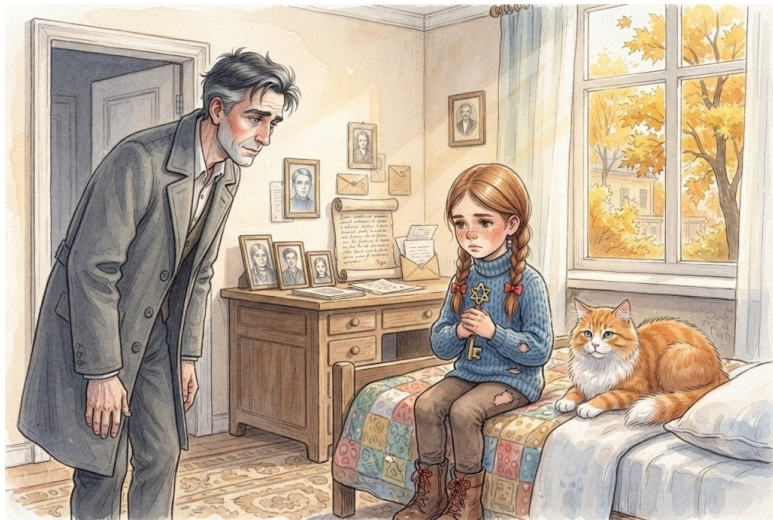

Алексей остался на неделю. Он работал — со Степаном Варфоломеичем, в мастерской Тихона, разбирал чертежи, описывал замки, фотографировал. Два архивариуса — один из подземелья, один из Москвы — работали вместе, как два механизма в одних часах. Бабушка Нина говорила: «Они — как братья. Не по крови — по делу. Оба — ищут, оба — хранят, оба — помнят». Алексей привёз — из Москвы — документы: родословную семьи Варфоломеевых, письма, фотографии. Лада смотрела — и видела. Лица. Голубые глаза — на каждой фотографии. Тёмные волосы. Худые лица. И — выражение — серьёзное, внимательное, как у людей, ко-

торые привыкли искать.

«Семь поколений, — говорила бабушка Нина, раскладывая фотографии на столе. — Тихон — Иван — Пётр — Михаил — Сергей — Дмитрий — Алексей. Семь имён. Семь жизней. И каждый — хранил. Каждый — передавал. Каждый — помнил. Семь поколений — и ни один не забыл. Это — не случайно. Это — фамильное. Как голубые глаза. Как — стремление искать».

Перед отъездом Алексей пришёл к Ладе — домой, в её комнату. Он стоял в дверях — высокий, в сером пальто, с портфелем, и его голубые глаза были серьёзными и тёплыми одновременно, как у человека, который говорит важное и боится, что не получится. «Лада, — сказал он. — Я уезжаю. Но — не ухожу. Я буду приезжать. Каждый месяц. Буду работать — с чертежами, с замками, с документами. И — буду помогать. Чем смогу. А ключ — у тебя. Он — твой. Не мой — твой. Тихон разделил — ключ, дверь, наследника. Ключ — у меня был, но я не мог открыть. Дверь — под землёй, но я не мог найти. Наследник — ты. Ты нашла дверь, ты получила ключ, ты — наследник. Я — только потомок. Потомок — хранит. Наследник — действует. Действуй, Лада. Тихон верил в тебя — триста лет назад. Я верю — сейчас».

Золотая печать

Алексей уехал. Поезд ушёл — маленький, зелёный, по рельсам, которые блестели на солнце, как ручейки. Лада стояла на платформе и смотрела, как поезд уменьшается — вагон за вагоном, как стирка на верёвке, пока не скрылся за поворотом. Барсик сидел у её ног и смотрел в ту же сторону — зелёными глазами, не мигая, как фонарь. «Он вернётся, — сказала Лада Барсику. — Сказал — каждый месяц. Вернётся». Барсик муркнул — не подтверждая и не отрицая, как кот, который знает больше, но не говорит. Лада вернулась домой и села за стол. Перед ней — блокнот, карта, значок, печать, ключ. Пять предметов. Каждый — часть истории. Значок — от первой книги, медный, с надписью «Под камнем — дверь». Печать — от третьей, золотая, с гербом. Ключ — от потомка, золотой, от главного хранилища. Карта — из медного ящика, показывает ходы под городом. Блокнот — её, Ладин, с записями, с рисунками, с планами. Пять предметов — и пять историй, переплетённые, как косички. «Что дальше?» — спросила Лада у Барсика. Барсик посмотрел на неё — зелёными глазами с янтарной искрой — и муркнул. Должно, утвердительно, как «давай». Лада взяла блокнот и написала: «Дело 4. Золотая печать. Начало. Три хранилища найдены: под рекой, под пекарней, под Серой горкой. Три ключа найдены: медный значок, золотая печать, золотой ключ.

Три двери открыты: подвал дома, подвал пекарни, хранилище под холмом. Но — в журнале Тихона есть запись: «Есть ещё. То, что я не успел спрятать. То, что осталось наверху. То, что — в камне. Под камнем — дверь. А за дверью — камень. А в камне — книга. Каменная книга. Которая — не открывается. Которая — читается только руками. Как Брайль. Только — старше. Древнее. Первая книга Старогорска. Каменная»». Лада перечитала — и почувствовала, как сердце забилось быстрее. Каменная книга. Которая читается руками. Первая книга Старогорска. Ещё одна тайна. Ещё одна дверь. Ещё один шаг. Тихон не успел спрятать — значит, она — наверху. В камне. В стене. В фундаменте. Где-то в Старогорске. «Под камнем — дверь, а за дверью — камень, а в камне — книга», — повторила Лада, и слова звучали как закливание, как ключ, как пароль. Новое дело. Новое расследование. Новая книга.

Лада пошла к бабушке Нине. Бабушка Нина сидела в квартире-музее, перебирала папки — как всегда, как каждый день, как тридцать лет. Она подняла голову, увидела Ладу — и улыбнулась. «Я знала, что ты придёшь. Алексей уехал — и ты сразу. Ты — как часы, Лада. Тик-так, тик-так». Лада села и показала запись из журнала Тихона. Бабушка Нина прочитала — дважды, с очками и без. «Каменная книга, — повторила она. — Которая читается руками. Как Брайль. Только — древнее». Интересно. Я читала — в старых документах, в архиве — упоминание о каменной книге. Один раз. В письме — 1715 года, от Тихона — к сыну Ивану. Тихон писал: «Сын, помни — каменная книга в фундаменте крепо-

сти. Под порогом. В стене. Не двигай. Не открывай. Пока — не время. Когда придёт — наследник — он найдёт. Руками. Глаза не увидят — руки увидят». «В фундаменте крепости! — Лада подпрыгнула. — Крепость на холме! Серая горка! Тихон построил хранилище под холмом — и каменную книгу — в фундаменте! Под порогом! В стене!» Бабушка Нина кивала — медленно, серьёзно, как человек, который понимает, что за этим — следующая история. «Крепость, — сказала она. — Старая крепость на холме. Каменная. Тихон построил её — в 1697, когда закладывал город. Фундамент — каменный, толстый, как стена. Если Тихон спрятал книгу в фундаменте — она там. Триста лет. В камне. Ждёт. Руками — чтобы нашли. Глазами — не увидят. Только — руками». Лада записала: «Дело 4. Каменная книга. Место — фундамент крепости на холме, под порогом, в стене. Способ — искать руками, не глазами. Ориентир — порог. Что такое порог крепости? Нижний камень? Вход? Дверь? Нужно — пойти, посмотреть, потрогать. Руками. Как слепой. Как Брайль. Триста лет — и книга в камне. Ждёт». Лада сидела и думала. Крепость на холме. Фундамент. Камень. Порог. Тихон строил крепость — в 1697, когда закладывал город. Крепость была — защита, убежище, символ. На холме, над рекой, над домами. Стены — каменные, толстые, как руки дяди Глеба. Башни — высокие, с окнами, как глаза, которые смотрят на все четыре стороны. Ворота — железные, с замком. Тихон делал замок для крепости — Лада видела чертёж

в мастерской. Замок крепости. Не обычный замок — большой, сложный, с шестерёнками и рычажками, как часы. И ключ — золотой. Который у Алексея. Три части — снова. Замок — в мастерской. Ключ — у потомка. Книга — в камне. Тихон разделил всё — чтобы соединить через триста лет. Через наследника. Через девочку с котом.

Они пошли — на следующий день, утром. Лада, бабушка Нина, Степан Варфоломеич и Барсик. Крепость на холме — Серой горке — была не крепость, а руины. Стены — каменные, обрушенные, поросшие мхом, как зелёным мехом. Фундамент — толстый, в человеческий рост, из огромных камней, серых, шершавых, холодных. Вход — провал в сте-

не, без двери, как рот без зубов. Травя вокруг — высокая, жёлтая, сухая, как солома. Тишина — как в храме, только ветер гулял по руинам, как хозяин, и свистел в щелях, как в свистке.

«Порог, — сказала Лада и остановилась у входа. — Тихон писал — «под порогом». Порог — это нижний камень у входа. Камень, на который наступают, когда входят». Она присела — на корточки, как всегда, — и провела пальцами по нижнему камню. Камень был — холодный, шершавый, мокрый от росы. Обычный. Но — Лада провела снова, медленно, как слепая, и — почувствовала. Не трещину, не щель — бороздку. Тонкую, как нить, идущую по камню — по верху, слева направо, как строчка. «Бабушка Нина, — прошептала Лада. — Тут бороздка. На камне. Как буква. Как — линия». Бабушка Нина присела — тяжело, кряхтя, и провела пальцами по бороздке. «Есть, — подтвердила она. — Высечено. Тонко. Еле заметно. Но — есть. Лада, это — не просто бороздка. Это — запись. Каменная запись. Тихон высек — на камне, тонко, чтобы не видно было. Чтобы только — руками. Как Брайль. Только — триста лет до Брайля».

Степан Варфоломеич присел — тяжело, кряхтя, как бабушка Нина, и провёл пальцами по камню — долго, медленно, как слепой, который читает лицом. «Есть, — сказал он, и голос дрожал. — Линии. Буквы. Старославянская вязь. Тихон высек — на пороге. На камне. «Под порогом — книга. В стене — камень. В камне — память. Руками — читай. Гла-

зами — не увидишь. Только — руками». Лада, это — указание. Тихон оставил — на пороге. Чтобы тот, кто войдёт — прочитал. Руками. И — нашёл».

Они искали — руками. Час, два, три. Степан Варфоломеевич и бабушка Нина — по сторонам, по стенам, по камням фундамента. Лада — по порогу, по нижнему камню, по стыкам. Барсик — ходил, нюхал, тыкал лапой в щели, как будто тоже искал — не руками, а носом. Ветер свистел, трава шуршала, облака бежали — серые, быстрые, как овцы. Осень. Холодно. Пальцы — мокрые, холодные, нечувствительные. Но Лада не сдавалась. Она трогала — камень за камнем, шершавый, гладкий, мокрый, сухой, тёплый, холодный. И на

семнадцатом камне — справа от порога, в третьем ряду снизу — нашла.

Не бороздку — впадину. Круглую, как монета, глубиной в полпальца. Лада прижала ладонь — и почувствовала: камень за впадиной — другой. Не шершавый, не холодный — гладкий, тёплый, как стекло. И — дрожал. Мелко, как сердце, как землетрясение, которое не чувствуешь, но знаешь. «Здесь, — сказала Лада, и голос был тихим и твёрдым. — Этот камень. За ним — что-то. Тёплое. Гладкое. Дрожащее». Она достала из кармана золотую печать и приложила к впадине. Печать вошла — ровно, как ключ в замок, как деталь пазла в пазл. И — щелчок. Глубокий, резкий, как выстрел. Камень — дрогнул. Подался. И — открылся. Как дверца. Маленькая, размером с книгу, в стене фундамента. И за камнем — углубление. Ниша. А в нише — книга.

Не обычная книга. Каменная. Тонкая — как плитка, размером с ладонь, из серого камня, гладкая, тёплая, с бороздками по поверхности — мелкими, как царапины, как буквы, как Брайль. Каменная книга. Первая книга Старогорска. Триста лет. В камне. Ждала. Руками — чтобы нашли. Глазами — не увидят. Только — руками. Лада вынула книгу — осторожно, как вынимают хлеб из печи — и прижала к груди. Тёплая. Тяжёлая. Живая. Как всё, что делал Тихон — тёплое, живое, как будто внутри горел огонёк. Триста лет — и горит.

Лада сидела на камне — у входа в крепость, у порога, у того самого камня, под которым триста лет лежала каменная книга. Книга лежала у неё на коленях — тёплая, тяжёлая, живая. Барсик сидел рядом — рыжий, пушистый, с поднятым хвостом, и его зелёные глаза с янтарной искрой были полуприкрыты — он мурлыкал, тихо и ровно, как маленький мотор, и это мурлыканье было как колыбельная, как тиканье часов, как шум реки — всё вместе. Бабушка Нина стояла рядом — молча, с очками, с платочком, с морщинками-лучиками, и не плакала — только улыбалась, тихо, как солнце сквозь облака. Степан Варфоломеич стоял у стены и смотрел — на Ладу, на книгу, на холм, на город внизу, на небо.

Его голубые глаза были яркими, как два кусочка неба, и в них было — всё. Двадцать лет под землёй. Три удара каж-дую ночь. Завал. Ящик. Карта. Улица. Мастерская. Печать. Ключ. И вот — каменная книга. Первая. Последняя. Начало и конец.

Лада провела пальцами по бороздкам — медленно, как слепая, как Брайль, как Тихон триста лет назад. Бороздки были тонкие, мелкие, как царапины, но — чёткие, как буквы. Старославянская вязь. Лада не читала — не умела, не знала. Но — чувствовала. Под пальцами — тепло, под теплом — смысл, под смыслом — Тихон. Его рука. Его резец. Его молоток. Триста лет назад — он высекал эти буквы, на камне, в фундаменте крепости, которая строилась, когда Старогорск был — молод. И оставил — для неё. Для наследника. Для де-вочки, которая придёт через триста лет, с котом, с бабушкой, с архивариусом, — и найдёт. Руками. Не глазами — руками.

«Мы прочтём, — сказала Лада, и голос её был тихим, но твёрдым, как камень. — Мы прочтём — с бабушкой Ниной, со Степаном Варфоломеичем, с Алексеем. Мы прочтём — и расскажем. Городу. Людям. Детям. Чтобы знали. Чтобы пом-нили. Чтобы — не забыли. Старогорск — город памяти. Кто помнит — тот живёт. Кто забывает — тот пропадает. Тихон Варфоломеев написал это — триста лет назад. Мы прочи-тали. Мы запомнили. Мы — помним». Барсик муркнул — длинно, утвердительно, как подпись под документом. Ветер стих. Облака разошлись. Солнце вышло — золотое, тёплое,

осеннее — и осветило холм, и крепость, и Ладу, и книгу, и кота. И город внизу — Старогорск, маленький, старый, живой — стоял, как стоял триста лет. И будет стоять. Пока — помнят.

